

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ

Annotation

Некогда в этом мире властвовали падшие, но люди сбросили их тиранию и создали могучую империю с колониями, раскинутыми по всему свету. Власть метрополии сильна как никогда, но ее прошлое темно, а будущее смутно. Старые тайны способны в один миг уничтожить все, что создавалось годами, ведь от предательства не спасут ни армады броненосцев, ни груженные бомбами дирижабли.

Ключ к одному из таких секретов по наследству и воле случая достается Леопольду Орсо, бывшему сотруднику сыскной полиции, а ныне частному детективу. Его талант сиятельного способен оживлять страхи, но и он не поможет выпутаться из паутины чужих интриг. Проигрыш грозит обернуться неминуемой гибелью, победа манит призрачным шансом уцелеть, душу разъедают старательно забытые воспоминания. А ведь он просто хотел получить причитающееся по праву рождения наследство.

Павел Корнев

Бессердечный

Нервами, нервами сшитое сердце мое!

Группа «Стимфония». Сердце

Часть первая

Мавр. Закаленная сталь и загущенный керосин

Ночь. Мрак. Скорость.

Риск.

Надсадно ревет движок; броневик несется по размокшей от дождя проселочной дороге, ежеминутно и даже ежесекундно рискуя слететь на обочину и завязнуть в грязи, а то и вовсе врезаться в дерево или перевернуться. Колеса подпрыгивают на кочках и проваливаются в выбоины, руль всякий раз дергается и пытается вырваться из рук, приходится стискивать его изо всех сил, дабы не упустить и не потерять управление.

Первая же оплошность грозила стать и последней.

Скорость. Риск.

Ноги давно занемели, спину нещадно ломило, а глаза беспрестанно слезились, но я нисколько не раскаивался, что сорвался в имение дяди глухой ночью, сразу, как только покончил с формальностями в китайском квартале. А вот Рамон Миро жалел об этом с самого начала нашей безумной поездки.

Его неизменно красноватого оттенка лицо сейчас напоминало цветом сметану, сам же бывший констебль расщеперился, как морская звезда, опасаясь вылететь из кресла при очередном рывке, и явно боролся с рвотными позывами. В то, что неведомый душитель сумеет нас опередить, он нисколько не верил и не переставал об этом твердить, пока его окончательно не укачало.

— Остановись почистить фары! — потребовал он.

— И так светят! — отмахнулся я, не желая терять время.

«Или пан, или пропал! — мысленно повторил я слышанную от деда поговорку. — Или пан, или пропал, и никак иначе!»

Мы должны успеть. Успеть во что бы то ни стало!

К счастью, за городом дождь стих, а дорога большей частью бежала среди полей, обходя лески и рощицы стороной. Мне оставалось лишь высматривать ямы и давить на газ, выжимая из движка все заложенные в него лошадиные силы.

Тот бешено стрекотал, пожирая гранулы тротила, в кузове громыхал незакрепленный груз, и не было слышно даже собственных мыслей, но вопрос Рамона я разобрал.

— Нет! — ни на миг не отрывая взгляда от дороги, крикнул в ответ. — Понятия не имею, кто удавил иудея!

Но точно не человек. Ладони простых смертных не обжигают жертв холодом, не оставляют на их коже следов обморожения. Аарона Малка прикончило либо inferнальное создание, либо *сиятельный* — один из тех налетчиков, что пытались взять меня в оборот.

Кто именно — не суть важно. Важно его опередить.

Убийце теперь доподлинно известно, где именно находится алюминиевая шкатулка с руной молнии на крышке, и очень скоро граф Косице расстанется не только с ней, но и с собственной жизнью. Последнее, если честно, трогало меня мало, да только шансы отправиться при таком раскладе вслед за дядей превышали все разумные пределы.

Если шкатулку заполучат сиятельные, на меня откроют охоту малефики, в противном случае придется и дальше бегать от таинственных банковских грабителей. Только со шкатулкой я мог начать собственную игру; лишь продвинувшись в расследовании, имел реальные шансы переиграть своих оппонентов.

Тут переднее колесо ухнуло в яму, самоходную коляску подбросило, а потом потащило по грязи; в самый последний момент я справился с управлением и выровнял броневик, когда тот уже съехал на обочину и едва не перевернулся в кювет.

Рамон судорожно сглотнул и простонал:

— Ненавижу тебя, Лео!

Я только ухмыльнулся:

— Подумай о трех тысячах...

— Я их уже заработал! — немедленно взвыл крепыш. — Уже! А ты втравил меня в новую авантюру!

— Охоту на оборотня ты тоже полагал авантюрой, так? — легко нашелся с ответом я.

Но Рамон Миро за словом в карман не полез. Он сунул палец в прореху распоротого и залитого кровью плаща и обвиняюще произнес:

— А это нормально, по-твоему?

Парировать этот неоспоримый довод было нечем, да я не стал и пытаться.

— Надо выяснить, из-за чего все это началось! Узнаем, что стоит на кону, — озолотимся!

И вновь Рамон оказался безжалостно точен в формулировках.

— Это надо тебе! — заявил он. — Не мне! Ты озолотишься, не я.

— Не беспокойся, ты тоже внакладе не останешься, — пообещал я, заметил мерцавшие по правую руку огоньки и предупредил: — Проехали станцию, скоро будем на месте.

Рамон промолчал.

Переполошив своим стрекотом и собак, и людей, броневик промчался мимо фермы арендаторов, затем обогнул дубраву и покатил напрямик к усадьбе.

— Подъезжаем, — предупредил я приятеля. — Готовься.

— Выключи фары, — посоветовал Рамон.

— Пустое, — отказался я не столько даже из-за опасения вылететь на обочину, сколько из-за хлопков двигателя. Такой шум не услышит разве что глухой.

Или мертвый.

Именно эта мысль промелькнула в голове, когда броневик остановился перед закрытыми воротами имения. В оконце сторожки моргал неяркий огонек, но давешний старик и не подумал выглянуть на улицу и выяснить причину визита полицейских в столь неурочный час.

Что-то было не так.

— Что-то не так, — сказал я Рамону.

Да тот и без моего предупреждения уже укрылся за кутившимся паром капотом броневика и упер в плечо приклад винчестера.

— Что я здесь вообще делаю? — простонал он.

— Прикрываешь меня! — напомнил я и выбрался из кабины. — Не зевай! — предупредил приятеля, обежал самоходную коляску и, откинув задний борт, забросил в кузов трость. Взамен вытащил самозарядный карабин и пару подсумков с загодя снаряженными магазинами.

— Очки не мешают? — спросил тогда Рамон.

Я приподнял окуляры из затемненного стекла и хмыкнул:

— Думаешь, так лучше?

Красноватое лицо напарника осветилось отблеском моих сиявших в темноте глаз, и он

признал:

— Нет. Верни.

Я опустил очки на нос, осторожно приблизился к воротам и, пристроив винтовку на перекладине, скомандовал Рамону:

— Давай!

Крепыш в один миг перемахнул через ограду, отпер калитку и запустил меня на территорию имения.

— Сторожка! — шепотом предупредил он.

— Ты первый! — столь же беззвучно выдохнул я в ответ.

Шуметь и во всеуслышание объявлять о своем визите не хотелось, даже несмотря на немалый риск поймать заряд соли или мелкой дроби.

Прикрывая друг друга, мы подобрались к приоткрытой двери, там Рамон заглянул внутрь и сразу отпрянул.

— Мертв, — сообщил он и добавил: — Шея сломана.

— Проклятье! — выругался я, на миг заколебался, потом распорядился: — Жди! — и поспешил к броневика.

Снял рулевое колесо, закинул его в кузов, следом забрался сам. На ощупь отыскал закрепленный под лавкой ящик с гранатами, достал две, вкрутил запалы. Потом навесил на борт массивный замок и вернулся к напарнику уже спокойным и собранным, без малейшей дрожи в коленях.

— Надо вызывать подкрепление! — злым шепотом встретил меня Рамон, совсем позабыв о недавнем увольнении.

Я на его больной мозоли топтаться не стал и лишь покачал головой:

— Думаю, мы опоздали.

— С чего ты это взял? — удивился крепыш.

— Дирижабля нет, — сообщил я, указав на одинокий фонарь причальной мачты.

Не горели сигнальные огни летательного аппарата, не проглядывал из ночного мрака белый овал полужесткого корпуса.

— На дирижабле мог улететь убийца, — предположил Рамон.

— Тогда тем более волноваться не о чем, — хмыкнул я и двинулся к родовому особняку.

Крепыш направился было следом, но сразу остановился и заявил:

— Улетел граф или убийца — нам незачем туда идти!

— Брось! — попытался урезонить я напарника. — Мы должны выяснить, что именно здесь произошло!

— На кой черт?

— Чтобы элементарно знать, кого именно разыскивать! К тому же если на дирижабле улетел граф, то душитель где-то поблизости. Вдруг получится его разговорить?

— Нет, — отрезал Рамон. — Это плохая идея.

Я оглядел темный, без единого светящегося окна силуэт особняка, конюшню и разросшийся сад, способный скрыть целую роту солдат, и мысленно согласился с приятелем.

Это и в самом деле была плохая идея. Плохая и очень опасная.

Но вслух сказал другое.

— Либо мы идем вместе, — беспечно пожал я плечами, — либо дожидайся меня в броневике. Только учти — если я сгину, иудеи тебе за оборотня ни сантима не заплатят. Подумай об этом!

— Проклятье! — выругался Рамон, вытер вспотевшее лицо и нервно глянул на мрачный особняк. — Черт с тобой! — сдался он. — Идем!

С тихим смешком я первым двинулся по аллее, дошел до поворота к конюшне, но сворачивать к ней не стал, не желая терять время. Меня манил к себе особняк.

Манил? Я поймал себя на этой мысли и даже замедлил шаг.

Азарт схлынул, словно я переступил некий рубеж, мир вновь обрел объем, силуэты зданий и садовых деревьев перестали казаться вырезанными из фанеры и небрежно раскрашенными театральными декорациями, накатило понимание, что все это происходит прямо здесь и сейчас.

Вернулся страх.

Я замер на месте, вслушался в тишину ночи. Без плеска наших сапог по лужам кругом воцарилась совсем уж гробовая тишина, только прокатился где-то далеко-далеко гудок паровоза. Но он донесся будто из другого мира; даже все имперские бронепоезда, вместе взятые, помочь нам сейчас, увы, ничем не могли.

— Лео! — тихонько шепнул Рамон. — Что такое?

Я передернул плечами, чтобы унять некстати разыгравшееся воображение, и двинулся дальше. Родовое имение мрачной громадой выросло из темноты; вскоре нам удалось различить распаханную настежь входную дверь.

— Будь я проклят, если нас не приглашают внутрь! — выдохнул Рамон. — «Заходи в гости», — сказал паук мухе!

Нервное напряжение развязало немногословному крепышу язык, и я счел нужным успокоить его. Просто протянул одну из прихваченных с собой гранат.

— Держи.

— Не терпится тут все разнести? — пошутил Рамон, нервно озираясь по сторонам. — Может, сразу дом подожжем, чтобы время не терять?

— Отличная идея! — буркнул я, медленно и осторожно понимаясь на крыльцо. — Прикрывай! — позвал приятеля, первым шагнув через порог.

В прихожей мы постояли, всматриваясь в темноту, затем я щелкнул выключателем, но электрическая лампочка под потолком не зажглась.

Тогда я повесил карабин на плечо, достал из кобуры «Рот-Штейр» и попросил напарника:

— Фонарь!

Рамон передал мне карманный фонарик; яркий луч скользнул по прихожей и сразу выхватил из темноты тело дворецкого. Да еще из коридора торчали чьи-то ноги в поношенных штиблетах.

Переступив через тело ночного сторожа, мы прошли в гостиную, там на софе лежала горничная с запрокинутой головой. Обескровленное лицо по цвету ничем не отличалось от белого передника.

— Вот черт! — выдохнул Рамон Миро.

— Тише! — шикнул я на него, прислушиваясь к тишине.

За стеной тихонько поскрипывал сверчок, и только. Больше не было слышно ни звука.

— За мной! — скомандовал я тогда и начал первым подниматься на второй этаж.

Яркий луч фонаря плясал и прыгал из стороны в сторону, легко освещая темные углы, и все же меня не оставляло чувство, что из тьмы за нами наблюдают чьи-то холодные глаза.

Самовнушение? Да черт его знает...

Второй этаж проверять не стали.

— Сначала осмотрим кабинет графа, — решил я и двинулся по лестнице дальше.

Как-то совершенно неожиданно у меня пропало всякое желание выслеживать неведомого душителя; захотелось развернуться и бежать отсюда без оглядки, и даже не знаю, что именно удержало от этого постыдного шага — остатки бушевавшего в крови азарта или опасение показаться смешным.

Подозреваю, все же второе.

Мы поднялись на третий этаж, я шагнул в коридор и замер как вкопанный, когда в распахнутой настежь двери кабинета мелькнули отблески керосиновой лампы.

И тень! Тень на полу перед дверью слегка колыхалась, то отползая в одну сторону, то скользя в другую. В кабинете кто-то был.

Выключив фонарь, я сунул его в карман и приложил к губам указательный палец. Рамон кивнул, давая понять, что разглядел тень, и весь подобрался в ожидании схватки.

Я перехватил «Рот-Штейр» двумя руками и двинулся вперед. Бесшумно ступая по ковровой дорожке, прокрался по коридору и одним стремительным прыжком заскочил в кабинет. А там сразу отшатнулся в сторону, освобождая место напарнику.

Стрелять не стал: в кабинете никого не оказалось, только валялись всюду в спешке раскиданные бумаги да щерился прорезами вывернутых на пол ящичков секретер.

Но я ошибся! В первый миг взгляд просто соскользнул с растворенной в тенях фигуры у письменного стола. Огонек керосиновой лампы трепыхался за спиной у неподвижно замершего человека и превращал его черный силуэт в подобие одной из скользких рыбин, что бездумно скользили в аквариуме у дальней стены.

Глаза выхватили из темноты лишь плащ и широкополую шляпу с плоской тульей; больше ничего разглядеть не удалось.

Тени, чтобы их!

Я вскинул пистолет, беря незнакомца на прицел, но прежде чем успел — решился? — выжать спусковой крючок, раздался неприятный свистящий полусшепот, столь же призрачный, как и тени вокруг:

— Не стоит!

Фраза неприятной ломотой отозвалась в висках, и я в нерешительности замер с поднятым пистолетом, а вот Рамон медлить не стал. Винчестер оглушительно грохнул, дульная вспышка в клочья разодрала заполонившие кабинет тени, но малефик даже не шелохнулся.

Он выдержал театральную паузу, затем посмотрел на зажатую в руке пулю и безразлично произнес:

— Напрасная трата патронов.

Обозленный неудачей Рамон рванул рычаг винчестера, выкидывая на пол стреляную гильзу, но я остановил его, повторив слова незнакомца:

— Не стоит!

Выложенная таинственным душителем на край письменного стола пуля оказалась не только покрыта инеем, но и деформирована; тонкие пальцы незнакомца смяли алюминиевую оболочку.

— Верное решение, — рассмеялся малефик и жестом фокусника извлек из воздуха шкатулку из светло-серого металла с ломаной руной молнии на крышке. — Полагаю, вас это интересует, сиятельный Орсо?

— Возможно, — осторожно ответил я, гадая, как быть дальше.

Действовать с позиции силы или проявить благоразумие? Напасть первым или попытаться договориться?

Смятая пальцами пуля делала бесперспективным первое; выказанная душителем безжалостность лишала надежды на второе.

И как поступить?

Рамон шагнул от двери в одну сторону, я двинулся в другую. Керосиновая лампа теперь не светила душителю в спину, но даже так сгустившиеся под его шляпой тени были непроницаемы для взгляда и скрывали лицо лучше всякой маски.

— Гадаете, где граф? — спокойно поинтересовался малефик; Рамона он упорно игнорировал и поворачивался на месте вслед за мной.

Я встал так, чтобы нас разделял письменный стол, и демонстративно убрал пистолет в кобуру.

— Даже если граф в аду, особо горевать по этому поводу не стану, — ответил после этого, не особо кривя душой.

— Возможно, и в аду, — усмехнулся душитель. — Хотите взглянуть? — протянул он шкатулку, но сразу отдернул руку обратно, словно дразня.

— Взглянуть? — озадачился я, облизнул губы, спросил: — На каких условиях? — и сразу понял, что совершил непростительную ошибку. Возможно даже фатальную.

Расслабленность душителя в один миг сменилась хищным интересом.

— Не знаете, что внутри, так? — даже подался он вперед, и лишь мелькнувший перед лицом огонек керосиновой лампы заставил его выпрямиться и отступить.

И впервые свистящий полусшепот не отозвался колючим эхом в моей голове, принуждая к быстрому и опрометчиво-откровенному ответу.

— А вы? — спросил я, глядя на трепыхавшего за стеклом огненного мотылька. — Вы знаете?

— Не важно, — ответил малефик, и тени вокруг него пришли в движение, будто обвивавшие циркача удавы.

Один из призрачных жгутов скользнул к Рамону и обернулся вокруг его лодыжки; крепьш замер на полушаге, а направленный на душителя ствол винчестера вдруг вздрогнул и начал смещаться в мою сторону.

Я с обреченным вздохом снял темные очки, но сияние глаз несколько не смутило малефика, он только рассмеялся:

— И что же вы будете делать, сиятельный? Напугаете меня до смерти?

— Прихватчу с собой в ад, — ответил я и небрежным движением скинул лампу на пол.

Стекло немедленно расколосось, керосин разлился по кабинету и вспыхнул. Пламя вмиг дотянулось до штор, взлетело к потолку, запалило разбросанные повсюду бумаги, вывернутые ящики, а потом и мебель.

Рамон отбросил винчестер и сорвал с себя объятый пламенем плащ, наткнулся на стул и живым факелом покатился по полу. *Меня* пожар отрезал от входной двери и загнал в угол, а вот душитель не потерял присутствия духа — или же обезумел от страха? — и ринулся к спасительному выходу напрямик через огненную стихию.

Я взглянул на хронометр, выжидая загаданную минуту, но Рамон протянул ко мне руку и умоляюще прохрипел:

— Перестань!

Решив не испытывать терпение напарника, я снял с плеча карабин и ударом приклада рассадил боковую стенку аквариума. Хлынувшая на пол вода в один миг смыла лужицу горящего керосина, и в кабинете воцарилась непроглядная темнота.

— Адский пламень! — прошептал Рамон пересохшими губами и отлип от стены. — Как же больно!

— Молчи! — шикнул я на него, перебежал к входной двери и выглянул в коридор, но душителя уже и след простыл. Прислушался — от густой тишины зазвенело в ушах.

Рамон встал рядом и едва слышно выдохнул:

— Ушел?

— Ушел, — подтвердил я столь же тихо.

Крепыш с облегчением вытер покрытый испариной лоб и без сил повалился в кресло. Его зацепил лишь малый отголосок чужого ужаса, но даже так он походил на одну из бившихся в опустевшем аквариуме рыб.

— Он не вернется? — спросил Рамон, когда я включил электрический фонарик и принялся изучать учиненный в кабинете разгром.

— Нет, — уверенно заявил я в ответ. — А если и вернется, то увидит дом в огне.

— Как ты сделал это?

Я только рассмеялся:

— Это все мой талант, дружище, не забыл?

Душитель боялся огня; я заметил это по той резкости, с которой он отпрянул от керосиновой лампы. Оставалось лишь вовремя дернуть за эту ниточку и превратить лужицу горящего керосина в бушующий пожар.

У страха глаза велики? Воистину так!

На полу в луче электрического фонаря сверкнул отблеск алюминиевой шкатулки; я натянул перчатки и поднял ее, но замок оказался взломан, а сама она — пуста.

— Проклятье! — выругался я, не скрывая разочарования.

— Что такое? — встрепенулся Рамон.

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем! — огрызнулся я, в сердцах зашвырнул шкатулку в угол и прошелся по кабинету, но так и не пришел ни к какому определенному выводу, чьих рук дело этот кавардак: спасавшегося бегством графа или прибывшего по его душу малефика.

— Лео, надо убираться отсюда! — поторопил меня крепыш, когда я начал разбирать разбросанные по полу обгорелые бумаги, мокрые из-за разлившейся всюду воды.

— Надо, — согласился я с напарником и сунул в карман смятую душителем пулю. — Только сначала проверим дом.

Комнату за комнатой мы обошли весь особняк, но на втором и третьем этаже никого не оказалось, а все слуги внизу были мертвы. Душитель отличался завидной методичностью, он не упустил никого.

— Где родные графа? — спросил Рамон, когда мы прошли в гостиную.

— Дочери в пансионе, жена на водах, — ответил я. — Континентальная Европа, до них не добраться ни нам, ни малефику. Нам — так точно.

— Будешь искать графа?

— А сам как думаешь?

— Твое дело, — не стал отговаривать меня Рамон и вдруг указал на тело служанки,

распростертое на софе. — Подожди-ка!

— Что такое?

— Посвети на шею!

Я выполнил распоряжение напарника, присмотрелся и сразу заметил две темно-синих отметины на мертвенно-бледной коже.

— Чтоб меня разорвало! — охнул крепыш. — Здесь был вампир!

По спине пробежал неприятный холодок; я пересилил себя и заставил прикоснуться к мертвой девице. Тело уже остыло, но в отличие от остальных жертв только-только начинало коченеть.

— Во что ты втравил меня, Лео?! — зашипел Рамон испуганно и гневно. — Малефики и вампиры, подумать только! Да вампиров даже в Европе почти не осталось, а у нас и подавно!

— Если оборотень прилетел из Нового Света, почему бы не сделать это вампиру? — пробурчал я.

— Зачем? На кой черт? Что происходит, Лео?

Я отмахнулся от напарника и поспешил на выход.

— Давай убираться отсюда! Уже светает!

— Нет, постой!

— Так не терпится угодить за решетку? — нахмурился я, глянув на приятеля сверху вниз.

— Хорошо, после поговорим! — решил крепыш, но стоило только мне двинуться к выходу, ухватил за руку и придержал. — А ты уверен, что малефик был один? — спросил он и первым выглянул на улицу с винчестером на изготовку.

— Почему нет? — удивился я.

— Как он смог в одиночку перебить столько людей?

— Тени, — напомнил я. — Ему помогали тени. Ты меня чуть не подстрелил из-за одной такой, помнишь?

Рамона от неприятного воспоминания откровенно передернуло, он загнал в трубчатый магазин винчестера патрон взамен стреляного и пробурчал:

— Все равно не зевай!

Я кивнул и снял с плеча самозарядный карабин. Душителя винтовочной пулей точно не пронять, но вампиры имеют обыкновение окружать себя смертными помощниками. Да и спокойней с оружием в руках-то...

Высокое крыльцо особняка выходило на восток, на самом горизонте облака уже окрасились розовым, и я негромко произнес:

— Светает!

Крепыш кивнул, давая понять, что расслышал мои слова, но бдительности не потерял; в байки о сгорающих на солнечном свете вампирах он не верил. Я, если начистоту, — тоже. Поэтому до броневика добирались без лишней спешки, не отрывая глаз от подступавших к аллее деревьев и кустов.

Птицы уже затеяли свою обычную утреннюю перебранку, от фермы арендаторов донесся петушиный крик, и риск наткнуться на случайного прохожего возрастал с каждой минутой. Подойдя к воротам, мы распахнули калитку и опрометью бросились к броневику.

Рамон предусмотрительно заглянул под самоходную коляску и дал отмашку:

— Порядок!

Тогда я отпер кузов и закинул в него винтовку, взамен достал рулевое колесо. Крепыш подбежал и протянул винчестер.

— Убери, — попросил он.

Я принял ружье и сразу простонал:

— Болван!

— Что такое? — встрепенулся Рамон.

— Гильза! — крикнул я. — Стреляная гильза осталась в кабинете дяди! Отпечатки!

— Будь я проклят! — Рамон побледнел как полотно, но сразу поборол растерянность, выхватил у меня баранку и забрался в кабину.

— Возвращаемся! Быстрее! — крикнул он, ставя на место рулевое колесо.

— Заводи! — отозвался я и вскочил на подножку со стороны пассажирского сиденья.

Затрещал двигатель; под частые-частые хлопки броневик подкатил к воротам, легко снес их и въехал на территорию усадьбы. При ударе нас ощутимо потрянуло, и самоходная коляска даже выкатилась на газон, но Рамону удалось вовремя вывернуть руль и вернуться на аллею.

В один миг мы домчались до особняка, там крепыш резко затормозил, выскочил из кабины и опрометью бросился в дом. Я перебрался на его место, заранее развернул броневик к выезду и поднял откинутый до того на капот лобовой бронелист. Ночью ехать с закрытым ветровым стеклом не представлялось возможным, но сейчас уже рассвело, сельский люд давно проснулся, и меньше всего мне хотелось, чтобы какой-нибудь не в меру зоркий арендатор сообщил впоследствии полицейским наши приметы.

Вновь хлопнула входная дверь, Рамон стремительно сбежал с крыльца и забрался в кабину.

— Погнали! — крикнул он.

— Нашел?

— Да! — подтвердил крепыш, переводя сбившееся дыхание. — Да погнали же!

И мы погнали. Не останавливались до самого города, даже воду в радиатор не доливали, пока не загнали броневик в глухой проезд на задворках какой-то мануфактуры.

Рамон побежал с ведром к колонке на соседний перекресток, а я принялся расхаживать вокруг самоходной коляски, разминая затекшие ноги и посматривая по сторонам. Спину нещадно ломило, голова налилась свинцом, а руки дрожали от усталости, но не находил я себе места вовсе не из-за плохого самочувствия.

Беспокоило совсем иное.

— Что делать с самоходной коляской? — спросил у вернувшегося с водой напарника. — Все знали, что мы с дядей не в ладах, не удивлюсь, если сегодня-завтра ко мне нагрянут с обыском.

— Такое разве возможно? — удивился крепыш, заполняя радиатор.

— А сам как думаешь? — фыркнул я.

— Нет! — досадливо махнул приятель рукой. — А карантин? Как они попадут внутрь?

— Рано или поздно подыщут сиятельного с иммунитетом к аггельской чуме. Броневик — прямая улика, наследили мы в имении изрядно.

— Избавься от него, — предложил Рамон.

— Не вариант, — отказался я. — Еще пригодится.

— Лео! Из-за этой консервной банки мы можем угодить за решетку!

Я даже ничего слушать не стал.

— Твой кузен со Слесарки... — прищелкнул пальцами. — Что, если загнать броневик к нему?

— Сдурел? — округлил Рамон глаза. — Не стану я впутывать в это семью!

— А угольный склад?

Крепыш задумался, потом кивнул.

— Знаешь, там есть пара заброшенных пакгаузов, — пробормотал он. — До осени в них точно никто не сунется.

— С отдельным въездом? — уточнил я.

— Есть и такие, — подтвердил приятель. — Поехали!

К этому времени давно рассвело, и высыпавшие на улицы обыватели с любопытством глазели на забрызганный грязью до самой крыши полицейский броневик. К счастью, в окрестностях угольного склада, где теперь работал ночным сторожем Рамон, было безлюдно; там компанию нам составила лишь пара брехливых собак.

Рамон указал на нужные ворота, велел ждать и куда-то убежал, а вернулся уже с увесистой связкой ключей.

— Не волнуйся, — успокоил он меня, отпирая заржавелый амбарный замок, — этот пьянчуга не проснется, даже если у него над ухом корабельная пушка выстрелит.

— Сделай в свою смену дубликат.

— Обязательно.

Ворота подались с жутким скрипом, нам пришлось приналечь изо всех сил, распахивая створки, а потом я загнал броневик в черное от угольной крошки нутро пакгауза, заглушил движок и обессиленно протянул напарнику руку:

— Спасибо! Выручил.

Рамон стиснул ладонь своей лапицей и спросил:

— Награду за убийцу банкира когда требуешь?

— С утра займусь, — решил я, взглянул на часы и поправился: — Да нет, ближе к обеду уже, наверное.

— Не затягивай с этим, — потребовал крепыш. — Хорошо?

— Не сомневайся даже, — пообещал я, взял трость и выбрался из кабины.

Совместными усилиями нам с грехом пополам удалось захлопнуть ворота склада, Рамон навесил на них замок, измазал его угольной пылью и оценивающе оглядел со всех сторон.

— Сойдет, — решил он.

Стоило бы снять со связки нужный ключ, но от усталости мысли путались, а глаза закрывались сами собой. Бессонная ночь и нервоотрепка выжали из меня все соки, и единственное, чего сейчас по-настоящему хотелось, — это лечь в кровать и закрыть глаза.

Поэтому только махнул рукой и отправился домой. Спать.

Но добраться до кровати оказалось не так-то просто.

С толку сбила Елизавета-Мария. Она окинула меня оценивающим взглядом и тоном, не терпящим возражений, заявила:

— Чашка чаю тебе сейчас точно не повредит.

Я взглянул на отражение своей бледной и осунувшейся физиономии, отвернулся от зеркала и кивнул:

— Хорошо, накрывай.

— Попьешь на кухне. Надеюсь, хоть это научит тебя являться домой вовремя!

Выяснять отношения я не стал; просто был не в состоянии. Молча убрал на вешалку пыльную куртку, поставил трость в тубу для зонтов, затем избавился от заляпанных грязью сапог и прошел на кухню.

Уселся у окна, отпил горячего сладкого чаю и бездумно уставился на сад с черными, мокрыми от дождя деревьями.

— Вижу, возвращаться под утро входит у тебя в привычку! — многозначительно заметила суккуб, разжигая плиту.

Я промолчал. Не хотелось ни разговаривать, ни шевелиться, и даже постель больше не манила обещанием забытья, представляясь теперь чем-то нереально далеким.

Я сидел у окна и пил чай.

Елизавета-Мария оставила попытки разговаривать меня и поставила на огонь толстую чугунную сковороду. Налила масла, посыпала специй, и по кухне немедленно разлился аромат экзотических приправ. Пару минут спустя на раскаленный металл шлепнулся шмат мяса, но я не обратил на шипение и шкварчание ни малейшего внимания, и лишь когда девушка выставила передо мной тарелку с едва прожаренным бифштексом, выразил свое недоумение:

— Не слишком плотно для завтрака, как ты считаешь?

— Посмотри на себя, кожа да кости! — возразила девушка. — К тому же подозреваю, для тебя это не завтрак, а поздний ужин.

— С чего ты вообще решила, что я хочу есть?

— От тебя пахнет смертью, — спокойно ответила Елизавета-Мария, — а всякое убийство для человека — лишь прелюдия к сытной трапезе. Даже если это убийство себе подобного, так уж издревле повелось.

— Себе подобного? — скривился я. — Сегодня мы прикончили оборотня. Жуткая была тварь.

— Полагаешь, будто так сильно отличаешься от него? — не удержалась девушка от шпильки.

Меня передернуло.

— Отличаюсь! — резко бросил я. — Весьма и весьма. Все ясно?

— Как скажешь, дорогой, — пожала плечами Елизавета-Мария и достала из ящика бутылку хереса. — Да, кстати! Красное вино продолжает пропадать. Урезонь свою белобрысую мартышку, пока я не оторвала ей руки.

— В последнее время мы с лепреконом не находим общего языка, — покачал я головой.

Если начистоту, вымышленный друг детства просто сводил своими выходками с ума. Я не вспоминал о наглom коротышке долгие годы и теперь никак не мог взять в толк, с какой стати он вообще выбрался из подсознания. Это пугало возможной утратой контроля над собственным даром, ведь ни один мой кошмар не задерживался в этом мире так долго, ни одна фантазия не казалась столь реальной.

Елизавета-Мария была лишь личиной суккуба, а что придавало сил лепрекону?

Ответа на этот вопрос у меня не было.

— Этот коротышка пьет как лошадь, — пожаловалась девушка, усаживаясь напротив с бокалом крепленого вина, и придвинула ко мне тарелку с соусом. — Ешь!

Я собирался отказаться, но живот вдруг подвело от голода. И хоть никогда особо не жаловал плохо прожаренное мясо — а на срезе даже выступила кровь, должен был признать, что стейк оказался очень даже ничего. Острый соус с непонятным, но удивительно тонким вкусом прекрасно его оттенял.

— Слышала что-нибудь о Конвенте? — спросил я девушку, отрезая очередной кусочек мяса.

— О Конвенте? — озадачилась Елизавета-Мария и пригубила херес, пытаясь скрыть замешательство. — Это идейные, — сообщила она после долгой паузы, когда уже начало казаться, что мне не дожидаться ответа вовсе.

— Идейные? — не понял я.

— Малефик обыкновенный просто счастлив продать свою жалкую душонку в обмен на малую толику силы и прижизненное благополучие. Эти не такие, они грезят о старых временах. Они хотят их вернуть.

— Вот как?

— Именно так, — подтвердила девушка. — А почему ты спрашиваешь?

Я только плечами пожал, не став рассказывать о последних словах умирающего оборотня.

— Не связывайся с Конвентом, — предупредила Елизавета-Мария. — Они опасны, чрезвычайно опасны. Перейдешь им дорогу — они убьют тебя и сожрут душу.

— Откуда вдруг такая забота о моей душе?

На миг из-под личины миловидной девушки проступил истинный облик инфернального создания, и огненно-красные глаза адской твари обожгли меня неприкрытой ненавистью.

— В этом случае я останусь ни с чем! — заявила суккуб.

Но меня так просто было не провести. Я разбирался в страхах и мог сказать точно — суккуб боялась, и боялась за себя, не за меня.

— Тебя ведь призвал из ада малефик? — прищурился я. — Он был из Конвента?

— Не хочу об этом говорить.

— Ты сбежала от него и он ищет тебя? А что будет, если найдет?

— Тебе не удастся вывести меня из себя, Лео, — мило улыбнулась Елизавета-Мария, но я не собирался менять тему разговора.

— Быть может, он и награду объявил? — спросил суккуба, глядя прямо в глаза.

— Ничего ты не понимаешь, — вздохнула девушка. — Лео, мы с тобой заключили сделку, это может значить только одно...

— И что же?

— Он давно мертв, — объявила Елизавета-Мария. — Оторвала голову собственными руками. Ты даже не представляешь, как это было приятно!

— Прошу, избавь меня от подробностей! Мы же за столом!

— Не я начала этот разговор, — сухо напомнила суккуб. — И нет, он не был из Конвента. Самонадеянное ничтожество! Умные люди выбирают в *знакомцев* бесов и мелкую нечисть, с которыми можно творить что угодно! А он замахнулся на суккуба! Самонадеянный выскочка!

— Но ведь мелкая нечисть даст меньше силы, разве нет? — удивился я. — Какой от нее прок?

— Силы? — рассмеялась девушка. — Источник силы — божественный огонь человеческой души. Знакомцы нужны для другого.

— Просветишь?

Но девушка уже допила вино и поднялась из-за стола.

— Доедай и отправляйся спать, — потребовала она. Затем отошла к соседнему окну, посмотрела на мертвый сад и вдруг произнесла: — Боль.

— Что, прости? — решил я, будто ослышался.

— Боль, — повторила Елизавета-Мария. — Этот мир встречает болью, а когда хозяин

творит заклинания, она удесятерится. Знакомцы принимают ее на себя, вот так. Не всю, лишь часть, но и это невыносимая мука.

— В самом деле?

— О да! Жжение разрывает голову и пронзает сотнями холодных игл. Ты слышал о китайской пытке водой? Монотонная боль подавляет и низводит до уровня животного. Слова. Ты слышишь их, но не можешь понять. Не можешь даже понять, что ты действительно их слышишь.

— И сейчас?

— Нет, милый Лео, вовсе нет. Благодаря этому телу, — девушка отвернулась от окна и провела ладонью от груди до бедра, — боль оставила меня. Но она где-то рядом, ты уж поверь.

Я кивнул и поднялся из-за стола.

— Лео! Держись подальше от Конвента! — повторила суккуб. — Не зли их, не разговаривай с ними, не смотри на них и даже не наступай на их тени. Просто забудь об их существовании, мой тебе совет.

— Тени? — насторожился я. — Тени, которые живут собственной жизнью?

Елизавета-Мария ничего не ответила и вновь отвернулась к окну.

Я поколебался, но в итоге приставать к ней с расспросами не стал, махнул рукой и отправился в спальню.

Малефики, их знакомцы и непонятное жжение, мертвая Кира и ее компаньон, тени душиителя — все это могло оказаться частью чего-то большего, но усталость помешала разложить все по полочкам; единственное, на что меня хватило, — это доползти до кровати, повалиться на нее и подгрести под голову подушку.

Спать!

Проснулся в один миг. Просто очнулся с ясным предчувствием беды, схватил с тумбочки «Рот-Штейр» и вскочил с кровати.

Оглядел спальню и с облегчением перевел дух — никого.

Дурной сон?

Но тут на подоконнике оставленного открытым окна возникла худошавая фигура лисы-оборотня; стремительный прыжок — и вот она уже стоит посреди комнаты.

— Давно не виделись, — произнесла миниатюрного сложения девушка с явственным китайским акцентом, а потом ее гладкое личико вдруг вытянулось в жуткую морду, блеснул оскал желтых зубов, мелких, но чрезвычайно острых.

Что острых — я знал это наверняка. И потому без колебания разрядил пистолет в изготовившуюся к прыжку тварь. Пули впустую продырявили деревянную панель за спиной лисы, сама она стремительно сиганула ко мне, но еще быстрее я выкинул вперед руку и рявкнул:

— Хватит!

Тварь развеялась в воздухе, лишь тугой порыв воздуха ударил в лицо, враз прогнав остатки сна. Кошмар, это всего лишь кошмар...

Подсознательно я опасался, что лиса попытается поквитаться, и мой талант не замедлил воплотить этот страх в жизнь. В последнее время он вообще пошел вразнос, мой талант. Как бы не вышло беды.

В дверь застучали; я отпер засов и впустил в комнату Елизавету-Марию.

— Опять кошмар? — спокойно спросила та, отметив многочисленные пулевые отверстия в стене.

— Вовсе нет, — возразил я, посмотрел на дымящийся пистолет в своей руке и пожал плечами. — Пытался изобразить монограмму ее императорского величества, только и всего.

— Нашел чем заняться, — фыркнула девушка и скрылась в коридоре. — Сходи в тир! Ты ужасно стреляешь! — крикнула она уже оттуда.

На смену рыжей ехидне пришел Теодор.

— Понадобится ремонт, виконт? — уточнил он, изучая учиненный мной разгром.

— Пожалуй, просто завесим ковром, — решил я и достал запасную обойму, потом обратил внимание на бледный вид дворецкого и спросил: — Все в порядке, Теодор?

— Разумеется, виконт, — ожидаемо уверил меня слуга, который заметно спал с лица, будто неким доступным лишь близнецам чутьем уловил гибель родного человека.

Стоило бы рассказать ему о гибели брата, но я заколебался, не представляя, какотреагирует на это известие слуга. Да и нужны ли ему лишние треволнения? Вовсе не уверен.

— Можешь идти, — отпустил тогда дворецкого, так и не придя ни к какому определенному решению.

Когда-нибудь я обязательно ему обо всем расскажу, но только не сейчас. В другой раз.

Трусость, скажете вы? Вовсе нет, обычная тактичность, и не более того. Нельзя же просто взять и вывалить на дворецкого эдакое известие! Нужно как-то его сначала к этому подготовить, что-то придумать...

Ладно, трусость, и что с того?

Кто из нас без недостатков?

Я перезарядил «Рот-Штейр», оделся и вышел из спальни. Спустился на первый этаж, придирчиво оглядел себя в зеркало, но костюм нигде не топорщился и сидел идеально, будто шили специально на меня. Удивительно даже, учитывая нестандартную фигуру. Длинный и тощий, на такого готовое платье покупать — сущее мучение.

— Лео! — окликнула меня с кухни Елизавета-Мария. — Идем пить чай!

— Не сейчас! — отказался, взглянув на настенные часы. Был второй час дня.

— Лео! — повысила голос девушка.

Я тяжело вздохнул и сдался.

— Давай попробуем представить, будто мы обычная семья, — предложила Елизавета-Мария, когда я уселся за стол и уставился в окно.

Меня так и подмывало ответить грубостью, но усилием воли я сдержал этот неуместный порыв и лишь заметил:

— В нашем случае речь идет о хозяине и прислуге. Такая аналогия представляется мне более уместной.

Елизавета-Мария насыпала в свою кружку две ложечки сахара и спокойно парировала:

— Во многих семьях так и живут, дорогой. Муж-повелитель и бесправная рабыня-жена.

Я взял из корзинки поджаренный тост и снял крышку с баночки малинового мармелада, зачерпнул его ножом и с горестным вздохом покачал головой:

— Суккуб-суффражистка. Куда катится этот мир?

— Не могу сказать, что в аду царит равноправие, но мы более чем толерантны к чужим недостаткам, дорогой. Смертным есть чему у нас поучиться.

— Вот уж даром не надо! — фыркнул я, отпил чаю и спросил: — Что ты знаешь о вампирах?

Девушка склонила голову набок и с интересом уставилась на меня, всем своим видом предлагая продолжать.

— Что непонятного? — пробурчал я, намазывая мармеладом второй тост. — Клыки, бледная кожа, аллергия на солнечный свет, нездоровая тяга к чужой крови. Что ты знаешь о них?

— Собрался в Трансильванию? — пошутила Елизавета-Мария.

Или не пошутила, а спросила на полном серьезе?

— Почему именно в Трансильванию?

— Помнишь, вчера зашел разговор о жжении? — Девушка задумчиво уставилась в чашку с чаем, потом отодвинула ее от себя и сходила за вином; бутылку крепленого красного она прятала в ящике с крупами.

— Жжение? — удивился я. — И что с того?

— Малефики испытывают боль, лишь когда творят заклинания. Это случается не так уж и часто, можно перетерпеть либо заставить страдать вместо себя знакомого. Обратники мучаются непосредственно после обратного обращения в человека, но даже так в Новом Вавилоне они гости нечастые.

Я кивнул, соглашаясь с этим утверждением, и Елизавета-Мария продолжила:

— Выходцы из преисподней выбираются в этот мир наскоками, от боли они спасаются, облачаясь в чужую плоть, забирая людские души и тела. Иные существа, порождения былых времен, либо бегут от цивилизации, либо деградируют, теряя последние остатки разума. Лишь призраки и порождения магии не чувствуют боли, поскольку не чувствуют ничего.

— К чему ты ведешь?

— Никто не способен долго выносить подобную боль, — объявила Елизавета-Мария. — Вампир не может отказаться от своей сути и вновь стать обычным человеком ни на день, ни на минуту. Вампир не зомби, поднятый гаитянскими мастерами, он способен чувствовать боль. Но тело его мертво, а мертвая плоть не защищает от боли.

— Как давно тебя призвали в наш мир? — спросил я, уловив промелькнувшую в голосе суккуба тоску.

— Не важно! — раздраженно отмахнулась девушка и смежила ресницы, прикрывая засветившиеся недобрым сиянием глаза. — Это не важно, Лео. Главное, что ни один вампир не приедет в Новый Вавилон по доброй воле. Это сродни самой изощренной пытке. Только если под угрозой смерти.

— И все же, где их искать?

— В Трансильвании, Румынии или Зюйд-Индии. Среди египтян или ацтеков. На Кубе или в африканских колониях. В сибирской тайге, горах Афганистана и бескрайних азиатских степях. Где угодно, только не здесь, не в больших городах. Даже в провинции жжение не столь сильно...

Но у меня перед глазами стояло обескровленное тело служанки с двумя аккуратными ранами на шее, поэтому я уточнил вопрос, продолжая настаивать на своем:

— Где искать вампира в Новом Вавилоне?

Елизавета-Мария посмотрела в ответ с неприкрытым сомнением, потом с безразличным видом пожала плечами, явно потеряв к этому разговору всякий интерес:

— В какой-нибудь дыре, чем глубже, тем лучше. Если он действительно прибыл в Новый Вавилон, то схоронился в свинцовом саркофаге где-нибудь в катакомбах за городом.

— Саркофаге? — удивился я. — А почему именно в свинцовом?

— Встретишь вампира — спроси. Возможно, он даже ответит, — отстраненно улыбнулась девушка, размышляя уже о чем-то совсем другом. — Какие у тебя планы на вечер? — вдруг поинтересовалась она, накручивая на палец длинный рыжий локон.

— Иду в цирк, — сообщил я, встал из-за стола и снял фартук, который надевал, дабы не заляпать мармеладом костюм. — А что?

— Ты не похож на любителя цирковых представлений.

На самом деле так и было; цирк я не любил. И цирк, и цирковых.

Дьявол! Если разобраться, на свете было не так уж много людей, к которым я по тем или иным причинам не испытывал антипатии.

Мизантроп? Нет, скорее, клинический интроверт.

— Друг попросил составить ему компанию, — пояснил я Елизавете-Марии, а когда она вслед за мной вышла в прихожую, в свою очередь поинтересовался: — Это жжение, что его вызывает?

— Вопрос на миллион! — рассмеялась девушка, взяла перьевую метелку и принялась стряхивать с полок пыль. — Но во времена падших его не было, тогда весь мир принадлежал нам, и только нам.

— Да-да, — усмехнулся я и вышел на улицу, не став брать с собой ни плаща, ни куртки.

Погода порадовала. От вчерашнего ненастья не осталось и следа, небо прояснилось, и лишь на самом горизонте продолжали клубиться недоброго вида кучевые облака.

Я начал спускаться с крыльца, и немедленно неуютной ломотой напомнила о себе отбитая нога. И пусть сегодня она беспокоила не так уж и сильно, все же показалось

разумным вернуться в дом за тростью Александра Дьяка.

— Быстро ты! — язвительно хмыкнула при моем возвращении Елизавета-Мария, не переставая стряхивать метелкой пыль.

— А ты, смотрю, все по хозяйству хлопочешь? — не остался я в долгу и с удивлением глянул под ноги, только сейчас обратив внимание на голый пол. — А ковер-то тебе чем не угодил?

— Ковер? — удивилась девушка.

— Да, ковер!

— Лео, ты принимаешь меня за домработницу? Какое мне дело до твоих ковров?

Я нахмурился и повысил голос:

— Теодор!

— Да, виконт? — вышел на крик дворецкий.

— Теодор, ты не убирал из прихожей ковер?

— Нет, виконт, — бесстрастно ответил слуга и больше не сказал ничего.

Елизавета-Мария уставилась на меня с живым любопытством. Я ответил ей не менее заинтересованным взглядом.

— Это точно не твоих рук дело?

— Не моих, — подтвердила девушка.

Сам не знаю почему, но я поверил. И от этого встревожился еще больше.

Прошелся по гостиной, внимательно глядя под ноги, и вскоре заметил длинный бурый мазок на одном из плинтусов, словно кто-то пытался наскоро затереть пролитую там красную краску. Или кровь?

— Посмотри, — попросил я Елизавету-Марию.

Девушка грациозно присела, поскребла длинным ногтем насторожившее меня пятно, облизнула палец и озадаченно протянула:

— Как интересно!

— Что это?

— Кровь, — вынесла девушка вердикт и добавила: — Свежая.

Отстраненную невозмутимость Теодора как рукой сняло.

— Но позвольте! — возмутился он. — Кроме нас, в доме никого нет и быть не может! Виконт, вам ли этого не знать!

— И между тем пропал ковер, а пол перепачкан кровью, — пробурчал я, продолжая осматривать комнату. На первый взгляд все оставалось на своих местах, никаких других следов постороннего присутствия обнаружить не удалось.

— Опять твои кошмары? — промурлыкала Елизавета-Мария.

— Не знаю, — передернул я плечами и выглянул в коридор. — Теодор, принеси лампу!

Дворецкий выполнил распоряжение, и вскоре в неровном свете «летучей мыши» нам удалось обнаружить еще несколько капелек крови, смазанных и полусохших.

Я вытащил из кобуры «Рот-Штейр» и дослал патрон. В доме был кто-то чужой, и даже думать не хотелось, для какой цели ему понадобилось скатывать ковер. Впрочем, кровь на полу особого простора для фантазии не оставляла.

Кто-то кого-то убил и теперь заметал следы.

Но кто? И самое главное — кого?

Теодор вооружился кочергой, Елизавета-Мария сбегала за саблей, и мы двинулись по кровавым отметинам, словно по следу из хлебных крошек. Особой аккуратностью

злоумышленник не отличался, и выискивать бурые пятна не составляло никакого труда.

Мы миновали чулан и кладовку, свернули в боковой коридор, и Теодор догадался:

— Каретный сарай!

И точно — капли крови тянулись к внутренней двери в пристрой; попасть в него можно было не только с улицы, но и напрямую из дома.

— Тише! — шепнул я, рывком распахнул дверь и шагнул внутрь со вскинутым пистолетом. Теодор быстро ступил следом и поднял лампу над головой, освещая темный сарай.

Застигнутый врасплох лепреккон досадливо сдвинул на затылок смятый гармошкой цилиндр, выплюнул на пол самокрутку и выругался:

— Драть, как не вовремя!

И в самом деле, когда тебя ловят у выложенного на верстак свежего трупа с ножовкой в руке, это и в самом деле совсем не вовремя...

— Какого черта?! — прорычал я и, пригнув голову, дабы не зацепить макушкой низкую притолоку, спустился по лестнице. — Какого черта ты творишь?

Лепреккон ничего не ответил. Он сорвал с себя кухонный фартук и ловко сиганул в открытое окно.

Я сунул пистолет в кобуру и подошел к телу с распоротой от уха до уха глоткой. Покойник не был мне знаком, и совершенно точно он не являлся сиятельным — в мертвых глазах уже растеклась кровавая муть опутавшего дом проклятия. Организм сиятельного не капитулировал бы перед аггельской чумой столь быстро.

— Знаешь, Лео... — с непонятым выражением протянула Елизавета-Мария, медленно перебирая заготовленные лепреконом инструменты: ножовку, топорик, набор сапожных ножей, молоток и зубило, — твои фантазии куда темнее, чем я могла полагать...

Я выругался.

— Это не моя фантазия!

— Тогда кошмар?

— Перестань! — отмахнулся я и переворошил валяющиеся на полу пожитки покойника.

Портмоне с парой сотен франков, перчатки, перочинный нож никаких подозрений не вызвали, но маска с прорезями для глаз, набор отмычек, короткий ломик и стеклорез говорили сами за себя.

Нас посетил взломщик. Что ж, он выбрал не тот дом.

— Сдается мне, ситуация неоднозначна, — пробормотал я, перекладывая деньги в собственный бумажник.

— Ну, если тебе хочется так думать... — ухмыльнулась Елизавета-Мария, забавляясь происходящим.

Теодор остался невозмутим.

— Что будем делать, виконт? — спросил он. — Избавимся от тела или сообщим в полицию?

Я прошелся по сараю, нервно постукивая пальцами по ящикам с трофейным оружием, потом решил:

— Уберем на ледник.

— Свежее мясо? — рассмеялась девушка и вскинула руки. — Лео! Не будь ты таким серьезным, это просто шутка!

— Хорошо, если так, — пробурчал я, расправляя залитый кровью ковер. — Теодор,

помогай!

Вдвоем с дворецким мы спустили покойника на пол, завернули его и поволокли в дом. Елизавета-Мария подняла крышку люка, и нам осталось лишь спустить тело вниз и уложить его на лед.

— Это неправильно, — поджал губы дворецкий. — Он не может здесь оставаться!

— Не может, — согласился я, спешно покидая подвал; находиться там дольше необходимого не хотелось.

— И что мы с ним будем делать? — поднялся вслед за мной Теодор.

— Что-нибудь придумаем, — пожал я плечами, намереваясь позже пригнать броневик и вывезти тело за город.

Елизавета-Мария опустила крышку люка и ехидно поинтересовалась:

— Не хочешь спросить у своего воображаемого друга, что намеревался сделать он?

— Обойдусь без его советов.

— Виконт... — начал было дворецкий, но я его оборвал:

— Позже, Теодор! Разберусь с делами и что-нибудь придумаю.

Елизавета-Мария поправила мне шейный платок и улыбнулась:

— Дорогой, неужели есть более неотложные дела, нежели свежий покойник на леднике?

— Гораздо более неотложные, — подтвердил я, надел перед зеркалом котелок и вышел за дверь.

Контора моего поверенного располагалась в одной из безликих высоток из стекла и бетона, которые вырастали в северной части города, где постепенно формировался новый центр деловой жизни империи. Крупные корпорации выкупали там под свои нужды целые этажи, менее состоятельные компании довольствовались арендой отдельных офисов. Особенно престижными среди успешных предпринимателей почитались помещения с видом на историческую часть Нового Вавилона; мой юрист сидел в клетушке без окон.

Недавний выпускник юридического факультета, рыжий и болезненно-бледный, оторвался от бумаг и растянул губы в некоем подобии радушной улыбки. От нашего сотрудничества начинающий законник не получал ни сантима прибыли, довольствуясь лишь статусом поверенного виконта Круса, и потому полагал возможным работать спустя рукава. Обычно меня это вполне устраивало, обычно — но не сегодня.

Когда юноша начал подниматься на ноги, я толкнул его обратно на стул, а сам уселся на край стола.

— Есть срочное задание. Надо заняться им безотлагательно, прямо сейчас! — приказал тоном, не терпящим возражений.

— Но, виконт, я не могу бросить остальных клиентов! — запротестовал юрист, который и в самом деле до моего появления разбирал какие-то бумаги.

Я выложил перед ним чек на десять тысяч франков и улыбнулся:

— Твои комиссионные — десять процентов.

Поверенный изучил чек и перевел на меня изумленный взгляд.

— Десять процентов? — переспросил он с плохо скрываемым волнением.

— Да, — подтвердил я. — Десять процентов от десяти тысяч. Но придется потрудиться.

Юрист раскрыл блокнот и уточнил:

— При каких обстоятельствах вы получили чек и в связи с чем он был опротестован?

— Не важно, — отмахнулся я, соскочил со стола и распорядился: — Подай иск о взыскании всей суммы, в качестве обеспечительной меры наложи арест на банковские счета графа, его загородное имение и дирижабль «Сиракузы». Дирижабль надо объявить в розыск незамедлительно.

— Но, виконт! — запротестовал поверенный. — Для подобной суммы это чрезмерные меры...

— Не успеешь наложить арест на счета и содрать с графа наличные, придется на общих основаниях дожидаться средств от распродажи имущества. Мне бы этого не хотелось. А тебе?

Юрист покачал головой и нерешительно проблеял:

— Но дирижабль?

— Дядя может попытаться улететь на континент. Как только мы лишим его средства передвижения, он сразу станет сговорчивей.

— В случае добровольного погашения чека... — поверенный нервно хрустнул костяшками пальцев, — мои комиссионные остаются в силе?

— Да, десять процентов твои при любом раскладе. Но если не займешься этим делом прямо сейчас, придется нанять кого-то другого.

Юрист выскочил из-за стола, оправил жилет, сдернул с вешалки поношенный пиджак и

отрапортовал:

— Еду в суд немедленно!

— Стой! — Я едва успел его остановить. — Сначала составь официальную претензию, я завезу ее поверенному дяди, чтобы нас потом не обвиняли в недобросовестности.

Так поступил бы любой, не знай он наверняка о бегстве графа, и я не собирался давать повод заподозрить себя в излишней информированности.

Законник вернулся за стол, заправил лист в побитую временем печатную машинку и принялся с сумасшедшей скоростью колотить по клавишам, время от времени поглядывая на выложенный перед собой чек.

Я не стал садиться на шаткий стул для посетителей и принялся выхаживать от стены к стене. Неровное мерцание электрической лампы под потолком изрядно действовало на нервы.

— Вот, готово! Подпишите! — протянул мне заявление юрист четверть часа спустя.

Я подписывать ничего не стал, для начала внимательнейшим образом изучил претензию, велел исправить несколько опечаток и лишь после этого поставил внизу свою подпись.

— Потеряешь чек — оторву голову, — предупредил поверенного, убирая заявление во внутренний карман.

— Не извольте сомневаться! — проникновенно произнес тот. — Сдам на хранение в нотариальную контору.

— Сдай, — кивнул я. — И не трать время попусту.

— Уже иду!

Не став дожидаться юриста, я в одиночестве спустился на улицу, остановил первого попавшегося на глаза извозчика и велел ехать на Виа Бенардос, где обретался адвокат моего дражайшего дядюшки.

Мэтр Ласаль снимал контору на верхнем этаже здания, внешне изрядно напоминавшего кусок пирога: выходящий на небольшую площадь фасад был нормальной ширины, а вот боковые стены строители свели под сильным углом, дабы втиснуть архитектурного уродца между двумя соседними домами. При желании с крыши на крышу можно было даже не перепрыгнуть, а просто перешагнуть.

Въедливый вахтер на входе пожелал узнать цель визита, затем по слуховой трубке связался с помощником адвоката и, только получив от него подтверждение, разрешил пройти. Лифтов в задании не было, пришлось подниматься на пятый этаж по лестнице, которая обвивала внутренний дворик — крохотный и темный колодец.

Помощник поверенного встретил меня в приемной и попытался задурить голову расспросами, но я досадливо отмахнулся от него и прошел напрямик в кабинет адвоката.

— Виконт Крус! — с удивлением оторвался от бумаг худощавый, если не сказать субтильный господин лет пятидесяти, который вел личные дела сразу нескольких представителей старой аристократии, еще состоятельных, но уже давно утративших былое влияние. — Чем обязан визиту?

Я обернулся к настырному помощнику, вставшему в дверях, и раздраженно рыкнул:

— Скройся!

— Оставь нас, — приказал мэтр Ласаль и укорил меня: — Немного вежливости, виконт! Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как обычная вежливость.

— Ваше право, мэтр, но я бы предпочел наличные, — парировал я, выкладывая на стол претензию. — Например, десять тысяч франков.

Адвокат нацепил на нос очки для чтения и принялся изучать документ; я не стал стоять у него над душой и отошел к окну, которое выходило на соседний дом с ржавой гусеницей пожарной лестницы. Вид открывался на одну из боковых улочек, узенькую и кривую.

— Это какая-то ошибка! — воскликнул тут поверенный дяди. — Это просто недоразумение!

— Не думаю, мэтр, — покачал я головой, продолжая стоять у окна, — но в любом случае никто не запрещает вам связаться с графом и поговорить с ним напрямую.

— Чек у вас собой?

— А сами как думаете?

— Бред какой-то, — пробормотал адвокат, поднял трубку телефонного аппарата и попросил соединить с именем графа Косице. Вскоре он бросил трубку и сообщил: — Неполадки на линии.

— Досадно.

— Где вы взяли чек, виконт?

— Не имеет значения, он на предъявителя.

— Я ставлю под сомнение ваше право на него, его подлинность и сам факт отказа в погашении! — легко привел законник сразу три противоречащих друг другу аргумента, но меня так легко было не пронять.

— Остается только убедить в этом судью, — улыбнулся я.

— Это злоупотребление правом! — возмутился адвокат. — Требование ареста имущества, счетов и средства передвижения по столь малозначительному поводу просто смехотворно!

— Свяжитесь с графом, мэтр, — посоветовал я. — Свяжитесь и настоятельно порекомендуйте встретиться со мной в самое ближайшее время. Дальше будет только хуже.

Адвокат поднялся из-за стола и очень тихо, но четко произнес:

— Вы пожалеете об этом, виконт. Вы очень сильно пожалеете о своей неосмотрительности.

— Вежливость! — воскликнул я, покидая кабинет. — Мэтр, помните о вежливости!

Пытаться поймать извозчика на Виа Бенардос не стал, сразу свернул на одну из боковых улочек, прошел через арку на тихий бульвар и зашагал к Императорской академии, благо ломота в ногу беспокоила сегодня уже не так сильно. К тому же я никуда не спешил.

В итоге до Леонардо-да-Винчи-плац добирался минут десять. Когда заглянул в лавку «Механизмы и раритеты», Александр Дьяк читал газету.

— Леопольд Борисович! — обрадовался моему появлению изобретатель, обогнул прилавок и протянул руку. — Вас можно поздравить?

— С чем? — насторожился я.

— С удачно проведенным научным экспериментом, разумеется! — рассмеялся Александр Дьяк и осекся. — Или это не вы прикончили Прокруста?

Я обреченно вздохнул и поправил изобретателя:

— Это был не Прокруст.

— Как скажете, Леопольд Борисович, как скажете! — покивал хозяин лавки. — Надеюсь, вы не забыли о моей просьбе? Для науки крайне важны точные временные рамки...

Как ни удивительно, но о просьбе изобретателя я не забыл и прямо в опиумной курильне, пока дожидался наряда, накидал в блокноте полную хронологию событий — от

первого выстрела и до последнего вздоха оборотня.

— Держите, — протянул я собеседнику вырванный из блокнота листок, а сам взял с прилавка газету и углубился в чтение, но, кроме броского заголовка «Прокруст мертв!», никакой конкретики в статье не содержалось. Запрет главного инспектора на общение с прессой соблюдался неукоснительно. Лишь кто-то из ассистентов коронера не сумел удержать язык за зубами и сболтнул о совпадении укусов на теле служанки Исаака Левинсона и слепков челюстей застреленного в китайском квартале оборотня.

Мое имя в передовице не упоминалось.

— Потрясающе, просто потрясающе! — бормотал себе под нос Александр Дьяк, изучая мои заметки. — Здесь есть над чем подумать.

— Боюсь, оборотни в Новом Вавилоне — гости нечастые, — улыбнулся я.

— Мир не ограничен одним лишь Новым Вавилоном, — пожал плечами изобретатель, свернул листок и спрятал его в карман сюртука. — Как трость?

— Выше всяких похвал, — ответил я, несколько не преувеличивая, — но у меня к вам новая просьба научно-прикладного характера.

— Очень интересно, — заинтересовался Александр Дьяк. — Что на этот раз?

— Огонь, — сообщил я. — Нужен компактный источник мощного пламени.

— Огнемет? — удивился изобретатель. — Леопольд Борисович, вам понадобился огнемет?

— Огнемет у меня есть, — с усмешкой признался я, — но он слишком громоздок и не слишком удобен в переноске...

— Рассказывайте, — махнул рукой изобретатель. — Помогу, чем смогу.

И я рассказал о странном душителе, его тенях и страхе перед огнем. Не стал уточнять лишь, где именно мы схлестнулись и почему опасаясь повстречаться с ним вновь.

А я и в самом деле опасался. Страх — это оружие, страх убивает, но есть вещи несравненно более смертоносные. К примеру, темные чары. Один раз малефик сбежал от огня, но больше этот фокус не сработает, только попробую — и он попросту оторвет мне голову. С существом, способным перехватить пулю десятого калибра, шутки плохи.

— Ну и задачу вы задали! — покачал головой Александр Дьяк. — С устройством огнемета я знаком, там нет ничего сложного, но огнемет компактный и пригодный для переноски...

— Знаю, — кивнул я, — это непросто....

— Баллон с огнесмесью, баллон со сжатым азотом, брандспойт, — начал перечислять изобретатель.

— Не нужен полноценный огнемет, — вновь напомнил я. — Достаточно будет чего-то на самый крайний случай, на один раз!

— Одноразовый огнемет? — задумался Александр Дьяк. — Да уж, Леопольд Борисович, с вами не соскучишься!

В этот момент в лавку вошла пара студентов, и я поспешил откланяться.

— Загляните ко мне завтра в это же время, — попросил изобретатель и отошел к покупателям: — Чего изволите, молодые люди?

Я вышел на улицу, купил свежий номер «Атлантического телеграфа» и отправился на площадь императора Климента своим ходом, не став тратиться на извозчика.

Недавняя непогода пошла городу на пользу. Ливень смыл пыль и сажу, свежий ветер

разогнал смог и дым печных труб, а лужи и многочисленные ручьи подсыхали на глазах. Сильно парило, на горизонте клубились новые тучки, темные и недобрые.

Непогода грозила вернуться, но пока на небе сияло солнце, горожане гуляли по бульварам и скверам, сидели на открытых верандах кафе, разглядывали сверкавшие свежeweымытым стеклом витрины дорогих магазинов.

На площади императора Климента и вовсе шла демонстрация суфражисток. Полтора десятка дамочек потрясали плакатами с призывами к равноправию; любопытствующих зевак, газетчиков и полицейских собралось несравненно больше. Я спокойно обошел толпу стороной.

Спокойно — да. Пусть на площади имела обыкновение собираться публика состоятельная и щеголеватая, но я больше не чувствовал себя здесь бедным родственником. Модный костюм ничем не уступал нарядам богатых бездельников, а поношенные туфли так сверкали свежей ваксой, что, казалось, были приобретены в одной из местных лавок не далее как пять минут назад.

В отель «Бенджамин Франклин» я вошел с уверенным видом победителя, небрежно кивнул портье и объявил:

— Виконт Крус к господину Витштейну.

— Одну минуту. — Служащий отеля сверился со списком, сделал звонок и указал на лифт. — Вас ожидают, виконт.

Авраам Витштейн вышел в холл императорских апартаментов с покрасневшей от недавнего бритья кожей. На журнальном столике лежала стопка свежей прессы, сверху я заметил утренний номер «Атлантического телеграфа».

Мог бы и не покупать...

— Виконт! — улыбнулся иудей. — Так понимаю, на этот раз вы принесли хорошие вести?

Я выложил на стол деформированную пулю десятого калибра, которую выковырял из стены опиумной курильни, и подтвердил:

— Новости даже лучше, чем вы полагаете.

— Что это? — насторожился банкир, разглядывая смятый свинцовый шарик с порванной алюминиевой рубашкой.

— Это пуля, которая поразила Прокруста, — сообщил я. — Это безжалостное чудовище долгие годы считалось неуловимым, но, когда оно погубило Исаака Левинсона и его семью, некий частный сыщик по поручению Банкирского дома Витштейна выследил тварь и отправил в преисподнюю. Господин Витштейн, надеюсь, вы ничего не имеете против этой версии? Именно ее я изложил полиции.

Иудей взял пулю, повертел ее в пальцах, поставил обратно и поджал губы.

— Вас настоятельно просили впредь не ссылаться на наше предприятие...

— Вам больше нравится история, в которой частный сыщик убивает заезжего оборотня, невесть с чего взъевшегося на ваше предприятие?

Банкир обдумал мои слова и махнул рукой:

— Виконт, не обращайте внимания на мое брюзжание, вы все сделали правильно. Из полиции уже звонили касательно совпадения укусов, поэтому я немедленно распоряжусь о выплате вам трех тысяч франков...

— Пяти.

Авраам Витштейн улыбнулся:

— Дорогой Леопольд, если мне не изменяет память, за мертвого убийцу вам было обещано три тысячи франков.

— Господин Витштейн! — в свою очередь расплылся я в улыбке, ничуть не менее фальшивой. — Разве можно сравнивать банального оборотня и самого Прокруста? Весь город гудит, ваше предприятие на слуху...

— Мы не гонимся за известностью!

— Все верно, но посудите сами: кто в здравом уме решится напасть на банк, который нашел управу на самую страшную легенду этого города?

— Не самую страшную, — поправил меня банкир. — Далекое не самую.

— Хорошо — самую страшную легенду последних лет, — согласился я. — Разве вам это не интересно?

— Пять тысяч?

— Пять тысяч.

— И все? Никаких ежемесячных платежей?

— Шантаж глубоко противен моей натуре, — уверил я иудея. — Если вы не оцениваете мои усилия в пять тысяч, что ж, платите три. Оставшиеся две тысячи я компенсирую дешевой известностью, к которой вы не стремитесь. Заявление о том, что убит не Прокруст, а безывестный выходец из Нового Света, станет сенсацией, уверяю вас! Клиенты ко мне в очередь не выстраются, зато я расскажу чистую правду, и ничего, кроме правды.

— Но куда приятней для самолюбия войти в историю как убийца Прокруста, не так ли? — усмехнулся Авраам Витштейн.

— Именно поэтому о последующем шантаже с моей стороны не может быть и речи. В случае разоблачения я потеряю несравненно больше вас.

— Вы так нуждаетесь в деньгах?

— Это всего лишь вопрос адекватности оценки моих трудов, — заявил я в ответ, откинулся в кресле и признал: — Ну и дополнительные две тысячи лишними тоже не будут.

Банкир вызвал охранника. Лысоватый и носатый иудей уверенно располовинил пачку стофранковых банкнот, пересчитал их и протянул мне оговоренную сумму. Я внимательнейшим образом следил за его манипуляциями, поэтому проверять верность расчетов не стал, просто сунул стопку купюр в портмоне и поднялся на ноги.

— Приятно было работать с вами, господин Витштейн.

Тот кисло глянул в ответ и уточнил:

— Наше сотрудничество продолжается, не так ли?

— Неофициально, — напомнил я.

— Неофициально, — подтвердил иудей.

Тогда я склонился к нему и тихонько произнес:

— Если эта информация всплывет хоть где-нибудь, я буду все отрицать, но неофициально один налетчик уже мертв. Итого — два из четырех.

Авраам Витштейн смерил меня пронзительным взглядом и спросил:

— Что с ним случилось?

— Неосторожное обращение со взрывчаткой.

— Это все?

— Пока все, — ответил я. — Разрешите откланяться, у меня на сегодня запланировано множество неотложных мероприятий.

— Держите меня в курсе, — попросил банкир, поднимаясь из кресла. — Хорошо?

— Непременно, — пообещал я, пожимая протянутую руку, и спустился на первый этаж. Там задумчиво посмотрел в сторону бара, но, хоть портмоне и опухло от стофранковых банкнот, транжирить деньги не стал и вышел на улицу.

Солнце по-прежнему проглядывало между кудлатыми тучками, от мокрой мостовой поднимался пар. Уходить с площади я не стал, уселся на одну из скамей неподалеку от конной статуи основателя Второй Империи, достал полупустую жестянку с леденцами, закинул один в рот.

Что же такое натворил родной брат императора, если это аукнулось через шестнадцать лет после его смерти?

Шкатулка, руна молнии, сиятельные. Заговор? Возможно, и заговор.

Но наверняка я ничего не знал. Был уверен лишь в одном: чем скорее во всем разберусь, тем лучше. Больше будет шансов остаться в живых.

Главный вопрос сейчас заключался в том, за какую из ниточек потянуть в первую очередь, чтобы распутать этот клубок с наименьшими усилиями. Мой поверенный уже роет носом землю в поисках графа Косице и, если дядя еще не успел перебраться на континент, рано или поздно его отыщет. Сам я мог приложить свои усилия в двух направлениях: взяться за розыски душителя или попытаться выследить банду сиятельных.

Пусть таинственным содержимым шкатулки они и не располагали, зато точно знали, что именно находилось внутри, а в таких делах информация ценится на вес золота. Кроме того, и душитель, и налетчики имели на меня зуб, а превентивное нападение в таких делах — лучший вариант обороны. Потенциальную угрозу следует устранять загодя.

Малефик или сиятельные, вот в чем вопрос.

Я даже решил кинуть монетку, но передумал и отправился в магистрат. Сиятельных найти было несравненно проще; с них и решил начать.

Несравненно проще — так мне казалось поначалу. Задумка была отменная: установить владельца взорванного мной склада и уже через него выйти на грабителей. Примерное расположение земельного участка я знал, дело оставалось за малым — требовалось провести несколько дней в архиве, перебрать полтонны ветхих документов и, заработав аллергию на бумажную пыль, отыскать нужную информацию в самом последнем ящике, какой только вздумается открыть.

Меня такая перспектива вовсе не прельщала.

Но деньги зачастую творят самые настоящие чудеса, так? Ста франков с лихвой хватило, чтобы один из сообразительных клерков согласился подобрать для меня нужные документы уже к вечеру. Выторговав в случае успешного завершения поисков еще полсотни, молодой человек удалился в архив, а я вновь вышел на улицу и задумался, чем занять себя до конца дня.

Можно было счесть свою работу частного сыщика выполненной и со спокойной совестью отправиться на обед или прогуляться по городу, наслаждаясь праздным бездельем, но возвращаться в особняк с трупом на леднике не хотелось, а от моциона по набережной Ярдена пришлось отказаться из-за боли в отбитой ноге. Трость спасала от хромоты, но и только.

Альберт Брандт ждал меня к шести, Рамон Миро наверняка еще отсыпался перед выходом на службу, и как-то неожиданно я понял, что заняться мне в общем-то и нечем.

Странное ощущение. Я к такому не привык.

Постояв немного на ступенях магистрата, я спустился на тротуар и вскочил в паровик,

ехавший по направлению к Ньютонстраат.

У меня оставалось еще одно дело, неприятное и отчасти даже опасное, но тянуть с ним не стоило, наоборот — чем раньше катнуть в этом направлении пробный шар, тем выше окажутся шансы на успех.

В Ньютон-Маркт я заходить не стал, от площади Ома направился напрямиком в «Синий страус».

У каждого подразделения полиции метрополии были свои излюбленные места. Постовые пропадали после смены в окрестных рюмашечных, безымянных, но всякий раз непременно одних и тех же; сотрудники сыскной полиции предпочитали выпивать в «Винте Архимеда», местом сбора канцелярских клерков служила кофейня «Зеленая фея». В «Синем страусе» собирались сыщики Третьего департамента.

Заведение это считалось одним из самых спокойных во всем Новом Вавилоне, и я искренне надеялся, что умиротворяющая атмосфера удержит моего собеседника от рукоприкладства. Угодить за решетку из-за драки с полицейским инспектором было бы чертовски неприятно.

Ресторан «Синий страус» занимал первые два этажа углового здания на пересечении Ньютонстраат и бульвара Ампера. Внешне оно ничем примечательным не отличалось, и даже страус на вывеске был благородного темно-синего оттенка полицейского мундира. Внутри играла музыка, тянулись к потолку пальмы в кадках, пахло дорогим табаком. Третий департамент умел отдыхать со вкусом.

Метрдотель учтиво улыбнулся и уточнил:

— Вы заказывали столик?

— Меня ожидает старший инспектор Моран, — слукавил я. — Он уже здесь?

— Здесь, — подтвердил метрдотель. — Вас проводить?

— Будьте так любезны.

Бастиана Морана мое появление не порадовало. Совсем.

Перед ним стоял нетронутый фаршированный рябчик в ананасовой подливе; старший инспектор посмотрел сначала на аппетитное блюдо, затем перевел взгляд на меня и, без сомнения, пришел к выводу, что мы с рябчиком категорически не сочетаемся друг с другом.

— Не беспокойтесь, Бастиан, надолго вас от трапезы не отвлеку, — улыбнулся я, усаживаясь за стол.

— Будете что-то заказывать? — уточнил метрдотель.

— Нет, не будет, — за меня ответил старший инспектор, а когда нас оставили наедине, поджал губы. — Знаете, виконт, вы последний человек, которого я рассчитывал сегодня здесь встретить.

— Жизнь полна неожиданностей, — пожал я плечами.

— Зашли испортить мне аппетит?

— Вовсе нет. Хочу оказать услугу.

Бастиан Моран отложил нож и вилку, промокнул губы салфеткой и кивнул:

— Слушаю вас. — Он явно надеялся избавиться от меня прежде, чем успеет остыть рябчик.

Я достал из внутреннего кармана полицейский отчет и передал собеседнику.

— Откуда это у вас? — озадачился Бастиан Моран, наскоро просмотрев листы.

— Неверный вопрос, — покачал я головой. — Спросите лучше, как копия полицейского отчета попала к налетчикам.

— Полагаю, у новоиспеченного частного сыщика ответа на этот вопрос нет, — резонно отметил старший инспектор и хлопнул ладонью по столу. — Спрашиваю еще раз: откуда у вас это?

— На меня было совершено нападение, — ответил я, не покрывив особо душой. — В ходе стычки кто-то из преступников растерял листы.

— А сами они? — уставился на меня старший инспектор немигающим взглядом удава.

— Скрылись. Иначе зачем бы я обратился к вам?

— А зачем вы обратились ко мне, виконт?

Я окинул взглядом светлый зал с огромными окнами от пола и до потолка, танцплощадкой и сценой для оркестра, потом закинул ногу на ногу и спокойно произнес:

— В Ньютон-Маркте завелась крыса, старший инспектор. Думаю, в ваших интересах ее отыскать.

Бастиан Моран свернул доклад в трубочку и постучал им о край стола.

— Вам-то что с того, виконт? — и он ядовито улыбнулся. — Помимо желания поспособствовать свершению правосудия, разумеется?

— Ожидание удара в спину не способствует обретению душевного равновесия.

— Желаете решить проблему чужими руками? Или намекаете на мою причастность к этому досадному инциденту?

— Такая мысль приходила мне в голову, — кивнул я и сменил тему: — Полагаю, вам известно о вчерашних событиях в китайском квартале?

— Хвастаться изволите?

Я выложил на стол круглую пулю десятого калибра, в алюминиевую оболочку которой явственно вдавились пальцы душителя.

— На металле — отпечатки душителя, который удавил Аарона Малка.

Старший инспектор помрачнел на глазах.

— Откуда у вас эта пуля, виконт? — потребовал он ответа.

— Я работаю, а не просиживаю штаны в кабинете, — улыбнулся я, поднимаясь на ноги, пожелал собеседнику приятного аппетита и отправился на выход.

Бастиан Моран остался за столом, но на фаршированного рябчика он смотрел теперь без всякого интереса. У меня даже на душе потеплело.

Выйдя на крыльцо, я смерил взглядом видневшуюся вдалеке громаду Ньютон-Маркта, достал жестянку с леденцами, закинул в рот апельсиновый. Облака неслись по небу белесыми косматыми обрывками, свежий ветер прогнал из города смог и печной дым, и дышалось сегодня на удивление легко, даже несмотря на поднимавшиеся от земли испарения.

Я постоял, наслаждаясь приятной кислинкой, потом махнул рукой катившему через перекресток извозчику и велел ехать к городской библиотеке.

На месте сунул загорелому до черноты мужичку пару монет, но в храм знаний заходить не стал и вместо этого поднялся на террасу соседнего кафе. Перед глазами стоял рябчик с ананасовой подливой, и одними только леденцами голод было не унять. Требовалось нечто более существенное.

К тому же привлекала сама мысль просто посидеть в плетеном кресле и ничего, абсолютно ничего какое-то время не делать. Забыть обо всех делах и заботах и просто выпить чашечку кофе в самый разгар рабочего дня.

Это ли не мечта?

Я заказал кофе по-венски, пару бельгийских вафель и мороженое с кленовым сиропом, откинулся на спинку стула и понял, что мне категорически не хватает свежей прессы. Без газеты образ скучающего бездельника был неполон, а купленный до этого номер «Атлантического телеграфа» я где-то забыл.

Выглянув на улицу, я прищелкнул пальцами, и рядом немедленно оказался паренек со стопкой газет, из сумки на его боку торчали сатирические журналы.

— «Атлантический телеграф», — попросил я, решив ознакомиться с последними новостями.

Малец протянул запрошенную газету, получил монету в десять сантимов и зашагал по улице, громогласно оповещая прохожих:

— Штормовое предупреждение! Надвигается ураган! Отменены полеты дирижаблей на материк! Подрыв анархистами полицейского броневика! Читайте подробности! Кровавая акция и штормовое предупреждение!

Я вернулся за стол и принялся листать газету в ожидании заказа, но ничего нового по Прокрусту в газете не оказалось, по-прежнему одни лишь слухи и сплетни. Ньютон-Маркт упорно хранил молчание.

Принесли кофе, вафли с хрустящей корочкой и два шарика пломбира, политые кленовым сиропом. Я без всякой спешки перекусил, пролистал газету — ураган ожидался со дня на день, а потом просто сидел и пил кофе.

Но уже не бездельничал, нет. Обдумывал дальнейшие действия и просчитывал возможные ходы оппонентов. Нападения малефика-душителя в ближайшее время опасаться не приходилось — зачем я ему? — а вот банда сиятельных была настроена всерьез. И совсем не обязательно, что грядущая активность Бастиана Морана заставит их залечь на дно. Он и сам может работать на них.

Паранойя? Вовсе нет. Разбитый затылок и ожоги от ударов электрическим током на руках и ногах ясно свидетельствовали о том, что до настоящей паранойи в моем случае еще очень и очень далеко. Так, легкое недоверие к окружающим.

Я расплатился и направился в библиотеку, там потратил какое-то время на оформление читательского билета и принялся листать подшивки старых газет. Искал любое упоминание о мертвецах с характерными отметинами на шее, но в криминальной хронике за последние пять лет о подобных случаях не упоминалось. Елизавета-Мария оказалась права — вампиры обходили Новый Вавилон стороной. А если нет, то чертовски хорошо прятали следы своих злодеяний.

Убив впустую несколько часов, я бросил взгляд на циферблат хронометра и заказал несколько книг по становлению Второй Империи. Но меня ждало разочарование: хоть о великих братьях Ри, императоре Клименте и Эмиле, его бессменном канцлере, и был написан не один десяток пухлых томов, ничего полезного из них почерпнуть не получилось.

Везде излагались те или иные вариации официальной версии о поднявших восстание против тирании падших борцах за свободу и справедливость, и если личность императора еще становилась предметом всесторонних биографических исследований, то младший брат всегда оставался в тени старшего. Даже на посту канцлера он являлся не слишком публичным человеком, а после скоростижной кончины о великом герцоге Аравийском и вовсе просто забыли. Полагаю, не последнюю роль в этом сыграла неприязнь со стороны вдовствующей императрицы.

Одно можно было сказать совершенно точно: из тех, кто наряду с братьями Ри принимал

участие в восстании, в живых остались считанные единицы. Их поколение ушло. Заставших Эмиля Ри на посту канцлера было несравненно больше, но вряд ли мне удалось бы отыскать кого-либо, посвященного в его тайны.

А с алюминиевой шкатулкой с руной молнии на крышке точно была связана какая-то страшная тайна.

«Из уважения к Эмилю Ри...»

Какого черта тот сиятельный имел в виду?

Какое еще уважение? При чем здесь это?

И я отправился в магистрат, так и не найдя ответов на мучившие меня вопросы.

Приехал в магистрат уже к закрытию. Прошел в вестибюль, огляделся в поисках подмазанного мной клерка и был неприятно удивлен кислым выражением его смазливой мордашки.

— Увы, господин Орсо, — вздохнул молодой человек, — ничем не смогу помочь...

— Послушайте, любезный! — Я ухватил его за руку и притянул к себе. — Наша договоренность взаимовыгодна, не стоит все усложнять!

— Я проверил архив, — лихорадочно зашептал в ответ перепуганный клерк. — Это выморочное имение, можете сами убедиться!

— Где документы?

Молодой человек оправил сюртук и указал на одну из дверей.

— Прощу за мной, — произнес он официальным тоном.

Мы прошли в кабинет, там клерк юркнул за конторку, раскрыл пыльную папку и развернул ее ко мне.

Я быстро убедился, что речь в документах ведется о нужном мне имении, а последний его собственник и в самом деле умер еще полвека назад, и с нескрываемым недоумением посмотрел на чиновника:

— Как такое может быть?

— Не знаю, — развел тот руками. — Про этот земельный участок просто забыли!

— Такое разве бывает?

— В те годы и не такое случалось.

— Возможно. — Я записал в блокноте адрес своего поверенного, вырвал листок и протянул собеседнику. — Если удастся что-то разузнать, буду признателен.

— Всенепременно, — кивнул клерк, пряча бумажку в карман.

И я вышел на улицу ни с чем.

В город уже прокрались сумерки, на примыкавших к магистрату улочках фонарщики зажигали фонари. Тучи на фоне темнеющего неба казались вырезанными из черной бумаги. Гулко прогрохотал через площадь паровик, прокатила пара экипажей и полицейский броневик.

Я проводил его пристальным взглядом и отправился в «Прелестную вакханку».

Настроение для похода в цирк было неподходящее, но Альберт Брандт точно не простит, если по моей вине пропадет драгоценная контрамарка.

Когда поднялся к поэту, тот в одном исподнем стоял перед зеркалом и брился, время от времени окуная бритву в таз с мыльной водой на табурете. Вечерний наряд лежал на диване, в стакане на столе красовалась свежая гвоздика для петлички. И надо ли говорить, что лакированные штиблеты за дверью слуги начистили так, что было больно глазам?

— Лео! — обрадовался моему появлению Альберт. — Ты как всегда пунктуален до невозможности! Извозчик подъедет через пять минут.

— Ты заказал экипаж?

— Это же светское мероприятие! — хмыкнул поэт. — Опоздать или прийти пешком — моветон.

— Как скажешь, — усмехнулся я, опускаясь на оттоманку.

— Я по такому поводу даже побрился самолично! — похвастался поэт, вытирая щеки полотенцем.

— Руки в кои-то веки не трясутся?

— Ты злой и невоспитанный, — укорил меня Альберт, взял костюм и ушел за ширму переодеваться. — Какие новости? — крикнул он уже оттуда.

— Объявлено штормовое предупреждение, ожидаются ливневые дожди и грозы.

— Разве это новости? — фыркнул поэт. — Что слышно о Прокрусте? Кого он еще прикончил? Я сегодня работал весь день, даже на улицу не выходил.

— Прокруст мертв, — оповестил я приятеля.

— Брось, Лео! — не понял меня тот. — Если б ты знал, какой мне посулили гонорар за поэму о нем, то обзавидовался бы.

Я пощупал распухшее от купюр портмоне и рассмеялся.

— Это вряд ли.

— Да ну тебя! — отмахнулся Альберт, выходя из-за ширмы одетый с иголки. — И забери уже свой бильярдный шар, на кой черт ты его вообще сюда притащил?

— Предлагаешь отнести его в цирк?

— Да хоть выкинь, мне-то что?

— Не ворчи как старый дед, — отшил я приятеля и спросил: — Не собираешься надеть плащ?

Альберт выглянул в окно, оценивающе посмотрел на небо и согласился:

— Да, плащ не помешает.

— Штормовое предупреждение!

Мы покинули апартаменты и спустились на первый этаж, а вскоре к варьете подъехал заказанный поэтом экипаж.

— В старый цирк! — объявил Альберт, и нас повезли по узеньким улочкам греческого квартала, темным и пока еще немногочисленным.

Спустились сумерки, небо окончательно затянули облака, а ветер усилился и посвежел. К вечеру заметно похолодало.

Уличное движение к этому времени было уже не очень интенсивным, поэтому до сквера у набережной Ярдена, посреди которого возвышалось круглое здание старого цирка с каменным куполом и входами-арками, домчались за десять минут.

Людей здесь собралось — не протолкнуться.

В свете фонарей почтенная публика фланировала по аллеям сквера и набережной, кто-то спрашивал лишний билетик, кто-то продавал вовсе не лишние билетики втридорога. За порядком присматривало сразу несколько нарядов конной полиции, у загоронок перед входом в здание цирка маячили синие мундиры констеблей.

— Сегодня аншлаг, — отметил я, выбираясь из экипажа.

— Спекулянты озолотятся, — подтвердил Альберт.

Мы вошли в сквер и зашагали мимо многочисленных тележек и лотков уличных торговцев, предлагавших зрителям подкрепиться перед представлением.

— Перекусим в буфете, — решил поэт.

Я спорить не стал. Посещение буфета — это традиция. Сходить в цирк или театр и не заглянуть в буфет — моветон.

Проклятье! До чего же привязчивое словечко!

Встав на краю площади, я окинул взглядом каменную громаду цирка и поежился.

— Да, у меня от этого места тоже мурашки по коже, — кивнул Альберт. — Жуткие вещи творились здесь раньше. Жуткие.

Ходили слухи, что при падших далеко не все зрители возвращались после представлений домой, и хоть документальных подтверждений подобных случаев не сохранилось, истории эти щекотали нервы не одному поколению горожан. Лет тридцать назад власти даже выстроили новое здание цирка — светлое, воздушное и просторное, а на прежнем месте с тех пор выступали только заезжие коллективы и независимые труппы.

Я этим слухам особого внимания не придавал, просто ощущалось в воздухе нечто непонятное, только и всего. Отголоски стародавних страхов? Быть может, и так.

— Экстренный выпуск! Прокруст мертв! — заголосил вдруг сновавший меж людей мальчишка со стопкой газет. — Покупайте экстренный выпуск! Неоспоримый факт: Прокруст застрелен в китайском квартале!

Альберт Брандт немедленно приобрел свежий номер «Столичных известий»; тот состоял лишь из пары листов и целиком и полностью был посвящен легендарному убийце. Поэт в свете газового фонаря прочитал передовицу и выругался:

— Будь я проклят, Лео! Он мертв!

— Я же тебе об этом и толковал, — усмехнулся я со значением.

Поэт уловил недосказанность и уставился на меня с явным неодобрением.

— Я думал, ты говорил о... — из деликатности он не стал упоминать о моем отце, а значит, разозлился не столь уж и сильно, — о прежних временах! Не о новом убийце!

— Я сказал то, что сказал.

— Здесь написано, Прокруста застрелили полицейские при исполнении.

— На месте главного инспектора было бы по меньшей мере глупо утверждать иное.

— Так понимаю, без твоего участия не обошлось?

Я кивнул.

— Рассказывай! — потребовал поэт, огляделся по сторонам и сразу поправился: — Нет, постой! Идем в буфет!

— Внутри еще не пускают, — подсказал я, но толпившиеся перед цирком зрители Альберта нисколько не смутили.

Он решительно двинулся вперед, без особого труда протолкнулся к широким каменным ступеням, а там откашлялся, прочищая горло, и голосом низким и хриплым потребовал:

— Пропустите!

И люди, не до конца отдавая отчет в своих действиях, начали расступаться. Нам не приходилось ругаться и с боем прорываться вперед, талант моего товарища с легкостью воздействовал на зрителей и прокладывал путь через толпу.

С охраной этот номер не прошел бы. Да Альберт не стал и пытаться, за подобные фокусы вполне можно просидеть все представление в соседнем полицейском участке.

— Управляющего, будьте добры! — попросил поэт, и если в его рокошущем голосе и проскользнула нотка приказа, констебли ничего не заметили, а один из швейцаров вдруг сорвался с места и бросился исполнять просьбу сиятельного.

Толпа вокруг с недовольным видом зашумела, тогда Альберт помахал в воздухе контрамарками, давая понять, что мы вовсе не собираемся воспользоваться связями и пройти внутрь без билетов.

— Спокойствие, господа, только спокойствие! — объявил он непринужденно и добродушно. — Я намереваюсь сегодня исполнять комические куплеты, а мой друг пробуетея на роль чечеточника!

Вокруг рассмеялись, и, когда управляющий распорядился запустить нас внутрь, никто вслед и худого слова не сказал.

— Господин Брандт! — Служащий цирка обнял поэта и дружески похлопал его по спине. — Чертовски рад встрече, но, к превеликому сожалению, вынужден вас оставить. Столько дел! Столько дел!

— Поговорим позже, — небрежно кивнул Альберт.

Я дождался, когда мы останемся наедине, и толкнул приятеля в бок.

— Чечеточник, значит?

— Ну, трость у тебя есть, — легкомысленно отмахнулся тот и зашагал через завешанный старыми афишами вестибюль. — Поспешим же, мой юный друг, пока за нами не хлынула алчущая развлечений толпа!

Я двинулся следом и невольно вздрогнул, когда Альберт резко обернулся и спросил:

— Чувствуешь? Цирком пахнет! Цирк — это особый мир, Лео! Цирковые не такие, как мы с тобой, это особый народ, удивительный!

Я воодушевления приятеля несколько не разделял. В свое время отец вел дела одного средней руки импресарио, и мне довелось вдоволь наобщаться с этими самыми цирковыми. Встречались среди них и хорошие люди, и откровенно дрянные, в целом же воспоминания остались не из приятных.

— Ты бывал когда-нибудь за кулисами? — уточнил поэт, шагая через вестибюль.

— Доводилось, — подтвердил я, не став говорить, что как-то пару месяцев жил в этом самом здании и даже принимал участие в подготовке к выступлениям.

— Удивительный мир! — Альберт прошел в буфет, заказал чашку кофе, рюмку коньяка и посыпанный сахаром лимон, потом поторопил меня: — Ты рассказывай, Лео, рассказывай.

Я попросил принести газированной воды с грушевым сиропом и порцию пломбира с орехами и поведал приятелю о вчерашней стычке с оборотнем в китайском квартале.

— Александр Дьяк — это просто находка, — заявил под конец. — Даже не знаю, что бы делал без его помощи!

— Александр — голова, — согласился со мной Брандт, потом с укоризной спросил: — Но, Лео, почему ты не рассказал мне всего этого раньше?

— Я боялся.

— Боялся?

— Ну да, — подтвердил я, отодвигая от себя пустую тарелку. — Боялся лишиться тебя вдохновения. Ты же сам говорил на днях...

— Лео, ты нехороший человек, — вздохнул Альберт Брандт, различив прозвучавшую в моих словах издевку.

В этот момент послышался людской гул, зрители начали быстро заполнять цирк.

Я допил газированную воду и усмехнулся:

— Так понимаю, твоя дама сердца вечером занята?

— Да, она не смогла пойти, — подтвердил поэт с мечтательной улыбкой, — но я сегодня с ней уже виделся и подарил огромный букет тюльпанов. Она без ума от цветов.

— Как оригинально!

— Лео, сарказм тебе не идет, — поморщился поэт, опрокинул в себя остававшийся в рюмке коньяк и предложил: — Идем?

— Идем, — кивнул я, поскольку уже прозвенел второй звонок.

И, прихватив программку и пару театральных биноклей, мы отправились искать наши места.

Как оказалось, неведомый мне благодетель выделил поэту целую ложу, поэтому разместились мы с комфортом и на занимавшую обычные места публику посматривали с нескрываемым превосходством.

— «Лунному цирку» пять веков, представляешь? — сообщил Альберт, раскрыв программку. — Изначально они выступали в Новом Вавилоне, но последние триста лет колесят по Европе. Некоторые номера не менялись со дня основания!

— Очень познавательно, — фыркнул я, рассматривая сцену и ряды сидений, большей частью уже заполненных зрителями.

Засыпанная опилками круглая арена традиционно располагалась в самом центре просторного помещения, свод купола уходил ввысь, ни окон, ни фонарей там не было, и тросы терялись в полумраке.

— Всегда любил узнавать что-то новое, — пожал плечами поэт.

— Всегда любил узнавать что-то полезное, — парировал я.

— Ты скучный, Лео!

— А ты зануда.

— Надо было взять коньяка, — вздохнул поэт, и тут раздался третий звонок.

Потом выступал конференсье, играл сессионный оркестр, кривлялись клоуны — рыжий и белый, фокусник доставал из цилиндра кроликов и голубей, исчезала из закрытой коробки миловидная девица, перекидывались горящими булавами жонглеры. Ничего необычного, все как всегда.

Но скучал я лишь до тех пор, пока не начался номер воздушных гимнастов. Они выступали без страховок и натянутой над ареной сетки, но выделяли при этом под куполом такие фортели, что я просто замер с открытым ртом.

Гимнасты летали. Действительно летали, ежесекундно нарушая закон всемирного тяготения, и в былые времена неминуемо схлопотали бы обвинение в колдовстве. А так люди просто замирали от ужаса; зал то взрывался аплодисментами, то накрывал меня волнами восторженного страха. Иногда казалось, что кто-то из артистов срывается и камнем падает вниз, но всякий раз под рукой в самый последний момент оказывалась трапеция или же его перехватывал идеально рассчитавший время напарник.

Одно только это представление стоило выхода в цирк.

— Поразительно! — вздохнул Альберт Брандт, когда гимнасты раскланялись и убежали за сцену.

Я был вынужден с ним согласиться. Ничего подобного мне видеть еще не доводилось.

Вновь вышел конферансье и объявил:

— А теперь перед почтенной публикой выступит виртуоз научного гипноза маэстро Марлини!

Музыка смолкла, и на арену с важным видом прошествовал импозантной наружности господин лет сорока — сорока пяти, седовласый и смуглолицый. В отличие от большинства фокусников, маэстро вышел не во фраке, а в обычном деловом костюме, но в остальном от цеховых правил отступать не стал. Начал с простеньких трюков, угадывая мысли и заставляя людей припоминать давно забытые события, и только потом ассистенты стали выносить реквизит.

— Нужен человек из зала! — объявил маэстро, когда меж двумя стойками протянули трос.

В добровольцах недостатка не было, пришлось даже кидать жребий.

— Попробуйте пройтись по канату, — предложил фокусник нескладному господину с немаленьким пивным животом. — Не бойтесь, это очень просто.

Доброволец попытался и уже на втором шаге ожидаемо спрыгнул с начавшей раскачиваться под ногами веревки, благо та была натянута всего лишь на высоте середины бедра.

— А ведь это просто! — объявил маэстро Марлини, и в подтверждение этих слов на арену вернулся один из гимнастов; он с издевательской легкостью прошелся по веревке, раскланялся публике и убежал за кулисы.

— Человек способен на большее, достаточно просто высвободить скрытые резервы! — выкрикнул гипнотизер, когда смолкли крики и смех. — Мозг — это уникальный инструмент, далеко не все используют и четверть его возможностей!

Зрители вновь рассмеялись, а фокусник достал из жилетного кармана часы и принялся раскачивать их на цепочке перед лицом покрасневшего от смущения добровольца.

— Три! Два! Один! — громко отсчитал маэстро и потребовал: — На канат!

Нескладный господин спокойно ступил на провисшую веревку, уверенно дошел по ней до противоположной стойки; затем вернулся назад, а когда гипнотизер резко щелкнул пальцами, выводя из транса, враз растерял всю свою уверенность и едва не растянулся, спрыгивая вниз.

— Вуаля! — объявил маэстро Марлини, отпустил потрясенного ничуть не меньше зрителей добровольца и вызвал следующего: — Ну, кто еще сомневается в силе человеческого разума?

На этот раз ассистенты принесли две подставки, на одной лежали три крупных апельсина, на другой — войлочные шары такого же размера.

— Сразу спрошу — умеете ли вы жонглировать? — обратился гипнотизер к скептически настроенному старичку, судя по бравому внешнему виду — отставному военному.

— Не умею, — посмеиваясь, ответил тот.

— Сейчас мы это исправим. — Фокусник взял апельсины и начал поочередно подбрасывать в воздух, перекидывая из руки в руку. — Смотрите и запоминайте!

— Старого пса новым трюкам не выучить, — покачал головой доброволец, но маэстро продолжал жонглировать апельсинами, и как-то незаметно старик отрешился от реальности

настолько, что по первому требованию закрыл глаза и довольно ловко повторил немудреный трюк фокусника.

— Думаете, это все? — обвел взглядом притихший зал маэстро Марлини. — Вовсе нет!

Он облил войлочные шары жидкостью для растопки и чиркнул спичкой по боковине коробка; немедленно взвилось бесцветное пламя.

Старик как заведенный подбрасывал, подбрасывал и подбрасывал апельсины, и даже когда один из помощников фокусника перехватил плоды и убрал их на подставку, его руки продолжали двигаться, словно не случилось ничего необычного.

Кто-то рассмеялся, и маэстро Марлини приложил палец к губам, а его натянувший перчатки ассистент вдруг ухватил горящие шары и перекинул их погруженному в транс добровольцу. Тот подмены не заметил и начал жонглировать ими, как жонглировал ранее апельсинами. Зал так и ахнул.

— Боль у нас в голове, — заявил тем временем гипнотизер. — Но способности разума и тела безграничны! Никакой мистики, никакой магии! Одно лишь научное знание! — Он оглянулся на жонглера и с улыбкой продолжил: — Мы неоправданно обделили вниманием наших очаровательных дам. Найдется ли среди зрительниц отважная госпожа...

Прежде чем он успел продолжить, на арену вышла стройная девушка, и у меня зануло сердце. Я узнал ее. К фокуснику подошла Елизавета-Мария фон Нальц, дочь главного инспектора и любовь всей моей жизни.

— О! Ценю в людях решительность, прекрасная мадемуазель! — рассмеялся маэстро Марлини, поцеловал ей ручку и ловко стянул перчатку с тонкой девичьей кисти. — Никаких фокусов! — объявил он и провел рукой перед лицом Елизаветы-Марии, а потом вдруг проткнул ее ладонь длинной спицей.

Все так и ахнули, а я и вовсе вскочил с места.

— Сядь, — дернул меня обратно Альберт. — Успокойся, я уже видел этот номер.

Номер? Спица пронзила руку насквозь!

Мне сделалось дурно.

— Боль в наших головах! — наставительно повторил гипнотизер, осторожно вытащил спицу и отработанным до автоматизма щелчком пальцев развеял транс.

Елизавета-Мария с изумлением осмотрела свою ладонь, чмокнула фокусника в щеку и поспешила на свое место.

— Вот видишь, — флегматично заметил Альберт Брандт. — Фокус!

В этот момент шестеро подсобных рабочих вынесли на сцену длинные носилки, засыпанные раскаленными углями. Верхний свет притушили, импровизированная дорожка отливала в полумраке недобрый алым свечением. Брошенный на угли бумажный листок быстро почернел, свернулся и загорелся.

— В зале могут быть подсадные акробаты и жонглеры, а мадемуазель, не исключено, относится к тем уникальным людям, что не чувствуют боли вовсе, но угли — это другое дело. Надеюсь, никто не подумает, будто я специально выписал для этого номера индийского йога?

Зал ответил смехом, но как-то неуверенно. Все ждали кульминации.

— Есть добровольцы? Нужны два человека! — повысил голос маэстро Марлини. — Не беспокойтесь, мы оплатим лечение!

На этот раз рассмеялись зрители совсем уж нервно.

В итоге на сцену вышли двое: рослый юноша в потрепанном костюме с задних рядов и

манерный коротышка с напomaженными волосами из центра зала. Подсадных йогов в них нельзя было заподозрить при всем желании.

— Тысяча франков! — объявил маэстро Марлини молодому. — Тысяча франков, если дойдете до конца! И сто за попытку!

Юноша без колебаний стянул поношенные ботинки и носки, подвернул штанины и подошел к раскаленной дорожке.

— Вперед! — разрешил гипнотизер. — Начинайте, прошу вас!

Молодой человек нервно поежился, но все же шагнул на угли. К моему удивлению, он сделал несколько шагов, все ускоряя и ускоряя темп, прежде чем соскочить на опилки и запрыгать на обожженных подошвах. К нему немедленно подскочили ассистенты фокусника, уложили на носилки и унесли за кулисы.

Воцарилась гробовая тишина.

— Ну? — повернулся маэстро Марлини ко второму добровольцу. — Вы еще готовы рискнуть? Верите ли вы в силу разума, как верю в нее я?

Коротышка судорожно сглотнул и принялся разуваться. В зале зашумели.

И вновь гипнотизер достал карманные часы. На этот раз на подготовку понадобилась минута или две, а потом фронт спокойно подошел к дорожке раскаленных углей и прошелся по ней от начала и до конца.

Зрители взорвались аплодисментами, и немедленно на арену вышел конферансье.

— Антр-р-ракт! — объявил он. — Дамы и господа, после перерыва вас ожидают дрессированные хищники, чудесные фокусы и коронный номер — распиливание женщины надвое! Спешите видеть!

Но все поспешили в буфет.

Я откинулся на спинку стула и промокнул платком покрывшийся испариной лоб.

— Это всего лишь фокусы, — напомнил Альберт. — По коньяку? — предложил он и сразу махнул рукой. — Ах да! Ты же не пьешь! — и покинул ложу, тихонько насвистывая себе под нос.

Я немного посидел, затем поднялся по проходу между секторами к выходу из зала и вдруг наткнулся на спешившую по коридору Елизавету-Марию. Ее шляпка была украшена свежей розой, узкая талия перетянута кушаком, и выглядела она в скроенных по последней моде юбке, белой блузе и жакете невероятно привлекательно.

— Добрый вечер, — поздоровался я, нисколько не надеясь на узнавание, но девушка неожиданно замедлила шаг.

— Виконт Крус! — воскликнула она. — Вот так встреча! Папенька на вас чертовски зол!

— В самом деле? — пролепетал я в ответ. — Опять?

— О да! — Елизавета-Мария приблизилась и шепнула: — Никак не может простить, что вы обошли их с Прокрустом.

— Он вам рассказал?

— О том, что это вы застрелили чудовище? — улыбнулась девушка, и в ее бесцветно-светлых глазах замелькали оранжевые крапинки. — О да! Его просто распирало от досады!

Дочь главного инспектора отстранилась, и тогда я в лихорадочной попытке продолжить разговор выпалил:

— Как ваша рука?

— Рука? — удивилась Елизавета-Мария и рассмеялась: — Ах, виконт! Маэстро Марлини — просто гений! Вот, посмотрите сами!

Она протянула мне узенькую ладошку; я осторожно прикоснулся к ней и, едва сдерживая дрожь, произнес:

— Просто невероятно!

— Я была на всех представлениях маэстро, он действительно невероятен! — восхитилась девушка. — Завтра он выступает на приеме у барона Дюрера, я тоже буду там. А вы?

На званый обед к алюминиевому королю меня никто не приглашал, но я лишь многозначительно произнес:

— Даже не знаю. Сейчас веду сразу два расследования...

— Приходите непременно, виконт. Будет весело, — уверила меня девушка и поспешила по коридору.

Я снял очки и проводил ее пристальным взглядом, потом выстоял очередь, чтобы купить газированной воды с сиропом, и уселся на свободную скамью. Дали звонок, антракт закончился, а я все не мог сдвинуться с места, выбитый неожиданной встречей из колеи.

Сердце колотилось неровно-нервно, с перерывами и уколами, то и дело перехватывало дыхание. стакан воды помог успокоиться, но возвращаться в зал не хотелось, и я остался сидеть на скамье.

Так и просидел все второе действие, а когда зрители повалили на выход, нехотя поднялся и перехватил окруженного восторженными поклонниками Альберта Брандта.

— Лео! — удивился тот. — Где ты пропадал? Я совсем тебя потерял!

— Пустое.

— Неужели это маэстро Марлини произвел на тебя столь сильное впечатление? — рассмеялся поэт. — Завтра мы с ним на пару будем развлекать гостей на приеме у барона Дюрера! — Приятель склонился ко мне и прошептал: — Увы, тебя с собой взять не могу, меня самого пригласил личный секретарь алюминиевого короля...

Я пожал плечами, нисколько по этому поводу не расстроившись.

Пусть я и покривил душой, говоря о расследовании сразу двух преступлений, но на прием Елизавету-Марию наверняка будет сопровождать жених, и что мне — смотреть на них и кусать с досады локти? Не хочу.

— Ты сейчас домой? — спросил я поэта.

Альберт Брандт обернулся к ожидавшим его поклонникам и покачал головой:

— Нет, не думаю.

— Тогда до завтра.

— Прием намечен на четыре часа, — предупредил поэт, — во второй половине дня меня не будет.

— Значит, до послезавтра, — улыбнулся я. — В первой половине дня не будет меня.

Мы распрощались; Альберт повел поклонников своего творчества в ближайшее питейное заведение, а я вышел на улицу, встал на верхней ступени цирка и тяжело оперся на трость. Просто стоял и любовался черной гладью Ярденa, где отражались освещавшие набережную фонари.

— Какая неожиданная встреча! — раздалось вдруг за спиной.

Я обернулся и оказался лицом к лицу со стройным господином в длиннополом плаще и с небрежно намотанным на шею белым кашне.

Бастиан Моран, чтоб его разорвало!

Но спрашивать, какого черта понадобилось от меня Третьему департаменту, я не стал.

Вместо этого язвительно улыбнулся:

— Воистину говорят: мир тесен, старший инспектор!

Бастиан Моран заломил в притворном удивлении крутую бровь.

— Уж не послышался ли мне, виконт, сарказм в вашем голосе? — поинтересовался он. — Неужели вы полагаете, что за вами следят?

— Вы не похожи на любителя цирковых представлений.

— И не являюсь тем, кто бездумно тратит людские ресурсы на слежку за столь предсказуемым господином, как вы, — отметил старший инспектор. — Памятуя о вашей дружбе с неким поэтом, я и без того знал, где вас искать. Как проводит время ваш талантливый друг, ни для кого не секрет.

— Вы искали меня по какой-то конкретной причине? — вычленил я из реплики собеседника самую суть. — Неужели арестовали сообщника грабителей?

— Не арестовали, — спокойно ответил Бастиан Моран. — Пока не арестовали, — добавил он, осмотрелся и предложил: — Пройдемся по набережной?

Я отказываться не стал. Мы покинули расходившихся после представления зрителей и зашагали по освещенному газовыми фонарями берегу реки.

— Когда последний раз вы видели дядю, виконт? — спросил вдруг старший инспектор.

— Что-то случилось? — остановился я, опираясь на трость.

— Отвечайте на вопрос! — потребовал Бастиан Моран, враз растеряв всю свою любезность.

Я поморщился и неуверенно произнес:

— С графом я последний раз общался в день налета на банк, старший инспектор.

— А после этого?

— Нет, — покачал я головой. — Пытался с утра дозвониться, но оказалась повреждена линия. Пришлось разговаривать с его поверенным. А что случилось?

Бастиан Моран достал пачку «Честерфилда», закурил и посмотрел на реку.

— На имение вашего дяди сегодня ночью совершено нападение.

— Что с графом? — сразу спросил я.

— Исчез, — коротко ответил старший инспектор. — Вероятно, в момент нападения он отсутствовал дома.

— Экая незадача, — недобро пошутил я и махнул рукой. — Не обращайтесь внимания, накопело.

— Учитывая имеющиеся между вами разногласия, виконт, я обязан спросить, как вы провели эту ночь.

На миг мне стало не по себе.

— Вы подозреваете меня? В самом деле?

— Мы отработываем все версии.

Я рассмеялся:

— На этот раз мне повезло с алиби. Полночи сдавал останки Прокруста сыщикам в китайском квартале.

Бастиан Моран кивнул и ожидаемо уточнил:

— А вторую половину ночи?

— Поехали с Рамоном ко мне. Поднялись на вершину Кальварии, смотрели на город. Приходили в себя. Не каждый день убиваешь легенду, знаете ли, — выдал я заранее согласованную с приятелем ложь и улыбнулся. — И хоть вы можете заподозрить Рамона в

желании снабдить меня фальшивым алиби, добраться до загородного имения дяди я никак не успевал при любом раскладе.

— Полагаю, вас не было среди пассажиров ночного поезда, следовавшего в том направлении?

— Нет, старший инспектор, меня среди них не было.

Бастиан Моран последний раз затянулся и выкинул окурочек в чугунную урну.

— Хорошо, — непонятно чему кивнул он и замолчал.

— Разрешите вопрос, — произнес тогда я. — Что случилось? Неужели опять неувловимая банда налетчиков?

— Почему вы так решили, виконт?

— Не верю в совпадения.

— Налетчики там побывали совершенно точно, — подтвердил Бастиан Моран. — Отпечатки протектора в грязи у ворот совпадают с теми, что мы сделали ранее.

Я кивнул и отвернулся к реке. По мосту через Ярден ползли огонечки экипажей, развозивших зрителей после представления, и мне вдруг захотелось оказаться в одном из них. Не играть в кошки-мышки с представителем всемогущего Третьего департамента, а ехать домой, к семье или друзьям.

Но мимолетная слабость прошла сама собой, я вздохнул и спросил:

— И теперь вы полагаете, что дядя как-то связан с налетом на банк?

— Я ничего не полагаю, — отмахнулся Бастиан Моран, натягивая лайковые перчатки. — Меня больше интересует чек на десять тысяч франков, выписанный вашим дядей на предъявителя. Как вы заполучили его, виконт?

— Мэтр пожаловался? — усмехнулся я, нисколько этим обстоятельством не удивленный и совершенно точно не напуганный и не выведенный из равновесия. Мне было все равно.

— Нет, — качнул головой старший инспектор, — случайно узнал о поданном вами иске. И знаете, я тоже не верю в совпадения, виконт. На имение вашего дяди нападают, а на следующий день появляется чек на столь крупную сумму.

— Чек был предъявлен к оплате задолго до этого прискорбного происшествия.

— И все же, виконт, откуда он у вас?

Я глубоко вздохнул и задумался, не послать ли докучливого полицейского к черту. Решил, что еще не время, и пожал плечами:

— Граф выписал этот чек для меня в нашу прошлую встречу.

Бастиан Моран многозначительно хмыкнул и попросил:

— Продолжайте.

— Мы заключили сделку: дядя выписывает чек, а я не беспокою его судебными исками по поводу наследства остаток этого года и весь следующий.

— Граф выигрывал тридцать тысяч франков, — продемонстрировал старший инспектор осведомленность о моих финансовых делах, — что получали вы?

— Быстрые деньги.

— И только? Вы получили лишь четверть от потенциального дохода. Это не слишком умно, на мой взгляд. Было что-то еще?

Я подтвердил:

— Было. Эти деньги я собирался потратить на выкуп собственных долгов. Дядя объявляет меня самозванцем, Исаак Левинсон предлагает кредиторам десять центов с каждого франка...

— И деньги остаются в семье? — улыбнулся Бастиан Моран. — Все довольны?

— Не слишком этично, но закон мы не нарушали.

— И что же пошло не так?

— Получить наличные по чеку должен был Аарон Малк, помощник Левинсона. Но сначала на банк напали грабители, потом Прокруст убил самого Левинсона, а Малк исчез с моими деньгами!

— Так вот почему вы искали его! — сообразил старший инспектор, которого вполне убедила логика рассказанной мной истории.

— Дальше вы знаете, — отвернулся я, дабы скрыть невольную улыбку. — Малка мы нашли уже мертвым, до приезда полиции я обыскал тело и обнаружил чек с отметкой об отказе в платеже.

— И отправились выяснять отношения с дядей? — вдруг встрепенулся Бастиан Моран.

— Вздор! — беспечно рассмеялся я. — Действуя через суд, я могу теперь из дяди веревки вить! Закон на моей стороне!

— Вот это и удивительно, — задумался собеседник. — Зачем ваш дядя пошел на столь необдуманый поступок?

— Найдете его — спросите, — пожал я плечами. — Я намереваюсь получить то, что полагается мне по праву. Этого будет достаточно.

Бастиан Моран кивнул и уточнил:

— Виконт, полагаю, Рамон Миро подтвердит ваш рассказ?

Я вновь беспечно пожал плечами:

— Спросите его.

— Всенепременно, — пообещал старший инспектор, отсалютовал мне на прощанье и зашагал по набережной. Вскоре из сквера вывернул крытый экипаж без опознавательных знаков, Бастиан Моран распахнул дверцу, ловко забрался внутрь и укатил в ночь.

Уверен, не устрой его мои ответы, и сейчас я бы катил в этой карете вместе с ним. Но нет — выкрутился, вновь обманул судьбу.

Я сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая дыхание, напился из фонтанчика с питьевой водой и облокотился на ограждение набережной.

Как ни удивительно, при разговоре со старшим инспектором несколько не волновался. Вообще. Все это время перед глазами стоял образ Елизаветы-Марии фон Нальц, в голове звучал ее голос, ощущался тонкий аромат духов. Он никуда не делся и сейчас, и это самым натуральным образом сводило с ума. Хотелось выть на луну или вырвать с тоски собственное сердце.

Ничего подобного я, разумеется, делать не стал. Просто стоял и смотрел на реку.

Стоял и смотрел.

Затянувшие небо облака скрыли россыпь звезд и нарождающуюся луну; теперь окутавшую город темень рассеивали лишь уличные фонари да свет витрин магазинов на противоположном берегу реки. Вдалеке светились в высоте сигнальные огни башен.

Ночью не видно грязи, ночью не видно позолоты. Ночь всех уравнивает в правах.

Она смотрит свысока и на бедных, и на богатых. Любовь не так снисходительна к чужим недостаткам.

Через мост на другой берег по-прежнему ползли огоньки экипажей, не стал бродить пешком по ночному городу и я. Более того — не желая вновь оказаться на электрическом стуле, выбирал извозчика придиричиво и нанял только третьего или четвертого из попавшихся

на глаза. И даже так забрался внутрь лишь после того, как снял с предохранителя убранный в карман «Цербер».

— Площадь Бальзамо, — скомандовал извозчику.

Мы недолго поторговались, потом возница взмахнул поводьями, и лошади потащили экипаж по ночным улочкам Нового Вавилона. Я закрыл глаза и вспоминал Елизавету-Марию, аромат ее духов, мягкость ладони, голос и удивительные, завораживающие глаза.

Она помнила нескладного виконта. Она помнила!

И даже полагала, будто именно я остановил легендарного Прокруста. От этой мысли на миг даже стало совестно. Лишь на миг, ведь в любом случае у меня не было ни единого шанса. Я был ей не пара.

Не пара, только и всего.

Площадь Бальзамо чернела идеально ровной поверхностью спекшегося камня. Некогда на этом месте возвышалась тюрьма с мощными бастионами и сырыми подземельями, уходящими вниз на многие десятки метров; так было, пока в нее не перевели из замка Льва мистика и авантюриста Джузеппе Бальзамо, самозваного графа Калиостро.

До сих пор доподлинно неизвестно, обладал Бальзамо колдовскими способностями изначально или в отчаянии обратился к герцогам преисподней уже из заточения, но факт остается фактом: граф стал первым из тех, кто бросил вызов падшим и выдержал силу их гнева. Недолго, но выдержал.

Противостояние длилось два дня, в итоге тогдашние властители Нового Вавилона разрушили тюрьму до основания, а подвалы залили расплавленным камнем. Попутно под землю ушло несколько окрестных кварталов, но главным следствием того инцидента стали вовсе не разрушения; многие историки всерьез полагали, что именно пример Калиостро вдохновил на восстание братьев Ри полвека спустя.

Косвенным подтверждением этого служил тот факт, что император Климент личным распоряжением присвоил оставшейся на месте тюрьмы проплешины имя Бальзамо, хотя граф совсем не вписывался в ряд несших свет науки ученых и философов, почитаемых в империи главными двигателями прогресса.

Я этот район не жаловал. Слишком беспокойный, слишком эклектичный даже для Нового Вавилона. Старинные дома покосились, новые постройки намеренно возводили неровно изломанными, всюду под ноги попадались железные решетки, но не ливневых канализаций — внизу шла еще одна улица, на нее выходили окна просевших под землю этажей, там ходили люди, играла музыка, горели фонари.

Ближайший спуск в подземелье оказался лесенкой с оплывшими каменными ступенями. Я спустился, прижал ладонью карман с портмоне и зашагал по подземной улице решительно и уверенно.

Днем свет попадал сюда через решетки, сейчас светились витрины лавок и редкие газовые фонари. Людей хватало с избытком; большей частью — беспринципного жулья и наивных мечтателей. Чудодейственные эликсиры от непризнанных изобретателей и откровенных пройдох несколько не отличались ни на вкус, ни на цвет; хироманты с легкостью обосновывали свои навыки научными работами античных ученых и гениев эпохи Возрождения, а гороскопы составлялись в соответствии с самыми последними астрономическими открытиями. Зевать здесь не стоило, иначе оглянуться не успеешь, как окажешься втянутыми в неприятности, купишь очищающий кровь магнитный браслет или оберегающий от сглаза амулет из метеоритного железа.

— Всеблагое электричество! — завопил неподалеку пухлый тип в белом халате с закатанными по локоть рукавами. — Научная методика изгнания бесов и снятия порчи электрическими разрядами! Всего пять франков! Не проходите мимо! Уникальная возможность!

Взмыленный ассистент усердно вращал педальный привод динамо-машины, и провода зловещего на вид кресла время от времени сверкали электрическими разрядами.

Я ускорил шаг. По доброй воле усаживаться на электрический стул не было ни малейшего желания, вдвойне странным казалось платить за это деньги.

Немного погодя гомон толпы остался позади, я свернул в неприметный проход и по узенькой лестнице спустился на уровень ниже. Свет сюда не попадал вовсе, и даже острого зрения сиятельного не доставало, чтобы нормально ориентироваться в эдаком мраке; наоборот — отблеск светящихся глаз сейчас только мешал.

Я чиркнул колесиком зажигалки, но неровный огонек загорелся и погас, а затем искры рассыпались впустую; кончился керосин. Я выругался и отправился дальше, разыскивая нужную дверь едва ли не вслепую.

Нашел, постучал, и вскоре та гостеприимно распахнулась.

— Лео, ты меня удивляешь, — покачал головой Шарль Малакар, запуская меня внутрь. — Пять лет не было ни слуху ни духу, и вдруг зачастил!

В жилище слепого рисовальщика было хоть глаз коли, и, шагнув через порог, я сразу спросил:

— У тебя есть керосин для зажигалки?

— Ты только за этим пришел?

— А сам как думаешь, Шарль?

Художник хрипло рассмеялся:

— Чей-то портрет нужен столь неотложно, что не мог подождать до утра?

Раздался шорох спички о коробок, потом вспыхнул огонек и загорелась свеча.

— Не стоит... — попытался остановить я слепого рисовальщика, но тот не стал ничего слушать, уселся за стол и принялся затачивать карандаш.

— Дело такое срочное? — повторил он свой невысказанный напрямую вопрос.

— Просто не хотел сидеть на всеобщем обозрении, — ответил я, разглядывая каморку художника.

Камин, холсты, стаканы с бесчисленными карандашами на полках, мольберт, пара сундуков, стол, кровать. Больше ничего, только у кровати стоял кувшин с водой и пара обколотых кружек.

— Так это личное? — хмыкнул Шарль и подсказал: — Керосин на полке у камина.

Я принялся заправлять зажигалку, а он задумчиво пробормотал:

— Не знаю, справлюсь ли я...

— Почему нет?

— Твой талант сияет так ярко, что больно глазам, — ответил рисовальщик, и я воспринял его слова всерьез.

— А если я попробую успокоиться?

— Не думаю, что из этого выйдет толк, Лео. Дело ведь в девушке, так? Ты молод, и у тебя горячая кровь.

— Брось, Шарль! — рассмеялся я. — Я хладнокровен, как гадюка!

Художник шумно вздохнул, потом попросил:

— Думай о чем-нибудь отстраненном, нужное я возьму сам.

Тогда я улегся на кровать и уставился в потолок, на котором скользили неровные отблески свечи, но не думать о Елизавете-Марии оказалось совсем не просто.

Девушка занимала все мои мысли. Всего меня.

Заскрипел по бумаге грифель карандаша, и, не дожидаясь окрика Шарля, я начал гадать, где сейчас скрывается дядя и не найдет ли его душитель. Постепенно мысли начали крутиться вокруг шкатулки с руной молнии на крышке, затем вспомнился умирающий оборотень, а в итоге, как ни старался успокоиться, перед глазами вновь встал образ

Елизаветы-Марии.

— Лео! — простонал Шарль Малакар, откладывая карандаш. — С тобой просто невозможно работать! Ты словно расплавленное золото мне в голову льешь! — Он встал из-за мольберта, приложился к кувшину и предложил: — Ладно, смотри...

Я взял свечу, подошел к портрету и ошеломленно замер на месте.

Елизавета-Мария фон Налъц выглядела живой. Пусть рисунок и был полностью черно-белым, лишь светились оранжевыми крапинками глаза сиятельной, но казалось, что сейчас она улыбнется и заговорит со мной. Вот прямо сейчас...

— Лео! — одернул меня Шарль. — Контролируй свой талант. Контролируй!

— Я в порядке, — прошептал я, вытирая носовым платком вспотевшее лицо. — Шарль, это просто потрясающе!

— Любовь, любовь, — только и покачал головой художник.

Я снял лист с мольберта и свернул его в трубочку. Мне стало легче, нет — действительно легче. Не знаю, было это особенностью таланта Шарля или вывертом человеческой психики, но всякий раз, когда рисовальщик выплескивал на бумагу мои фантазии, они тускнели и больше не рвали голову на части.

Мысли о Елизавете-Марии перестали терзать меня, вернулась ясность ума, и оставило навязчивое желание во что бы то ни стало вновь увидеть девушку. Только сейчас я понял, сколь близок был к тому, чтобы обманом проникнуть на завтрашний прием барона Дюрера. Аж не по себе сделалось...

— Лео! — окликнул меня художник, починая затупленные за день карандаши. — Есть кое-что еще...

— Да?

— Кое-что в твоей голове...

— Что в моей голове? — нахмурился я, ведь никому не нравится, когда чужие роются в его воспоминаниях. И пусть Шарль воспринимал лишь самые яркие образы, на миг стало не по себе.

Художник прекрасно понимал всю щекотливость ситуации и продолжил без былой уверенности.

— Я кое-что увидел, — вздохнул он. — То, что уже видел раньше. Собственными глазами. Я ведь не всегда был слепым кротом! Когда-то я был молод и зряч. Когда-то дамы даже полагали меня симпатичным!

— И что же ты видел?

— Тень, — просто ответил рисовальщик. — Человек, чьего лица я не мог разглядеть ни тогда, ни сейчас. Ты подумал о нем мельком, но очень уж образ запоминающийся...

Я невольно кивнул. Образ душителя и в самом деле врезался в память намертво.

— Шарль, кто это?

— Не знаю, — просто ответил слепой художник. — Во времена падших их полагали слугами кого-то из приближенных блистательного Рафаила.

— Их? — озадачился я.

— Их, — подтвердил Шарль. — Лео! Безликие тени служили одному из самых влиятельных падших, возвращение этих отродий ни к чему хорошему не приведет.

— Я видел только одного.

— Где один, там и остальные! — отрезал старик; лицо его осунулось и побледнело. — Никто не видел их с самого восстания. Никто и никогда. Затеваются что-то серьезно, если

они вылезли из своей норы.

Я постарался скрыть охватившую меня нервозность и уверил рисовальщика:

— Надеюсь, никто их больше и не увидит.

— Держись от этих тварей подальше, — посоветовал Шарль. — А лучше сообщи властям. Это все неспроста.

— Хорошо, — не стал спорить я с художником. — Подумаю над этим.

— Будь осторожен, — попросил старик, зябко кутаясь в плед. Привет из прошлого откровенно выбил его из колеи.

— Обязательно, — пообещал я и достал портмоне.

— Я не нуждаюсь в деньгах! — заявил художник, заслышав шелест банкнот.

— Все нуждаются в деньгах, — возразил я, выложил на стол пятьдесят франков и отошел к двери. — Береги себя, Шарль.

— Лео! — рассмеялся рисовальщик. — Ты украл мою фразу!

— Знаю, — усмехнулся я и вышел за дверь.

В неровном свете зажигалки я поднялся на подземную улицу уровнем выше, там поспешил к ближайшей лестнице. Задерживаться под землей дольше необходимого не хотелось, и вовсе не из-за нелюбви к подвалам, просто требовалось перевести дух и хорошенько обдумать услышанное.

Хоть виду старался и не подать, но слова Шарля меня чрезвычайно обеспокоили. Если верить учебникам истории, блистательный Рафаил был крупной фигурой даже по меркам падших. Штурм его загородного имения затянулся на несколько дней, а впоследствии стал одной из наиболее популярных тем батальной живописи того времени.

Неужели кто-то из приближенных падшего уцелел в той бойне и теперь вернулся обратно более чем полвека спустя? Но зачем? И как с этим связана алюминиевая шкатулка Эмиля Ри?

От безответных вопросов разболелась голова. Резкие порывы ветра бросали в лицо мелкую морось; хотелось скорее попасть домой, запереть ставни и улечься в постель. Просто позабыть обо всех бедах и проблемах хотя бы на ночь. Выспаться и с ясной головой обдумать сложившуюся ситуацию, которая с каждым днем нравилась мне все меньше и меньше.

Слуги падшего, подумать только!

Но сразу после возвращения домой отправиться спать не получилось; традиционно уже пришлось составить компанию Елизавете-Марии за ужином. Благо та оказалась непривычно молчаливой, да и Теодор приносил с кухни блюда тихой безмолвной тенью.

За последние дни дворецкий крепко сдал.

Отужинав в гробовой тишине, я поднялся из-за стола, и только тогда Елизавета-Мария поинтересовалась:

— Какие у тебя планы на завтра, дорогой?

— А что? — насторожился я.

— Мне скучно! — протянула девушка. — Скучно, Лео! Ты понимаешь? Я не привыкла к заточению в четырех стенах!

— Ничем не могу помочь.

— Быть может, сходим куда-нибудь? — предложила Елизавета-Мария. — Тебе и самому надо развеяться!

— Не вариант, — покачал я головой. — Завтра уезжаю на весь день за город.

— На весь день?

— Именно.

— И чем мне себя занять?

— Не пробовала заглянуть в библиотеку? Попроси Теодора, он проводит.

— Я знаю, где в доме библиотека! — оскорбилась девушка. — Лео, ты невыносим! И сам посуди — как можно читать целыми днями напролет? Это кого угодно с ума сведет!

— Ну не знаю. Попробуй поймать лепрекона. Это тебя взбодрит.

Елизавета-Мария только фыркнула, но меня неожиданно поддержал дворецкий.

— Госпожа, лучше отыщите его клад, — посоветовал он.

— Столовое серебро? — обреченно вздохнул я.

— Теперь пропали ножи, — подтвердил Теодор.

— Этот маленький вымышленный поганец заслуживает хорошей трепки, — мечтательно улыбнулась девушка. — Будет приятно щелкнуть его по носу.

— У него не может быть клада, — напомнил я. — Он всего лишь мой вымысел.

— У всех лепреконов есть клады, — продолжил упорствовать на своем дворецкий, которого до глубины души задела пропажа столового серебра. — Вымышленный он или нет — природа сильнее.

— Возможно, я и в самом деле этим займусь, — решила Елизавета-Мария.

Я только покачал головой и вышел за дверь.

В спальню поднялся, буквально валясь с ног от усталости, но запереть ставни не забыл. Потом разделся, повалился на кровать и моментально провалился в глубокий беспокойный сон.

А во сне вновь вернулся в цирк, только теперь во всем зале не было ни одной живой души; компанию мне составлял лишь лепрекон. Ясно понимая, что это всего лишь простое сновидение, я покинул ложу, вышел в вестибюль и вновь наткнулся на Елизавету-Марию фон Нальц. Попытался ухватить протянутую руку, но девушка рассмеялась и легко ускользнула из моих объятий. Я последовал за ней по пустым коридорам, спустился за кулисы и неведомым образом очутился в подвале собственного особняка.

Стало тихо, темно и холодно.

И вдруг ледяное крошево просело, зашуршало и, подобно легендарным зыбучим пескам, потянуло меня вниз, в ледяной ад, в самую преисподнюю...

Я рванулся, ухватился за нижнюю ступеньку лестницы и попытался вырваться, но ничуть в этом не преуспел. Ледяной водоворот тянул все сильнее и сильнее, онемевшие от холода пальцы соскальзывали, ломались ногти, боль выкручивала и выламывала суставы, и я бы точно провалился в черную ледяную бездну, но тут что-то хлестнуло по лицу.

В один миг я проснулся, сорвал накинутое на голову полотенце и уселся на кровати.

— Драть! — пробурчал лепрекон, который устроился в кресле с книгой в руках. На одном подлокотнике стоял стакан с горящей свечой, на другом — полупустая бутылка вина. — Мешаешь!

Я несколько раз глубоко вздохнул и повалился обратно на подушку.

— Ты не староват для «Приключений Алисы в Стране чудес»? — спросил у коротышки.

— Отстань! — потребовал альбинос, облизнул палец и перелистнул страницу. — Спи! Достал!

Но сон уже оставил меня, я приподнялся на одном локте и поинтересовался у собственной фантазии:

— Кого ты зарезал утром?

Лепрекон угрюмо уставился на меня и нехотя сообщил:

— Шлялся. Дерзил. Нарывался!

Укорять альбиноса убийством взломщика я не стал, но и тему закрывать не собирался.

— Что ты хотел сделать с телом? — спросил у коротышки.

Тот беззвучно выругался и уставился в книгу.

— Что? — повторил я свой вопрос.

— Бездомные животные голодают из-за таких бессердечных людей, как ты, Лео, — не отрываясь от книги, ответил лепрекон и потребовал: — Драть! Не мешай читать!

Бездомные животные? Он собирался скормить труп бродячим псам?

Только еще людоедов в округе развести не хватало!

Я перевернулся на другой бок, посильнее натянул на себя одеяло и попросил:

— Не делай так больше.

Лепрекон ничего не ответил. Просто не успел: внизу что-то с оглушительным стуком повалилось, да так, что вздрогнул пол.

— Драть! — от неожиданности коротышка даже облился вином. — Буфет?

Я так не думал. В один миг соскочил с кровати, схватил с тумбочки «Цербер», выдернул из кобуры «Рот-Штейр» и бросился на выход. Вывалился в коридор и едва не налетел на выглянувшую из своей комнаты Елизавету-Марию.

— С дороги! — рявкнул на нее и промчался мимо, а девушка, как была в ночной рубашке, побежала вслед за мной.

Слома голову я скатился на первый этаж, проскочил через кухню в прихожую с распахнутой настежь входной дверью и метнулся в гостиную. Перебрался через поваленный буфет и сразу взял на прицел темную фигуру, которая притиснула к стене полузадушенного дворецкого. Под широкополой шляпой с плоской тульей сгустились тени; охватившие шею Теодора руки выделялись своей противоестественной чернотой.

Мавр?!

— Отпусти его! — потребовал я, не решаясь выстрелить.

Душитель медленно обернулся, и тут через другую дверь в гостиную ворвалась Елизавета-Мария.

В мгновение ока девушка оказалась у камина, сорвала со стены саблю и ринулась на малефика. Тот стремительно отпрянул от дворецкого и шагнул навстречу суккубу, вскидывая в защитном жесте раскрытую ладонь. Заточенная сталь столкнулась с плотью и с жалобным звоном отскочила, оставив лишь кровотокающую царапину.

Я выстрелил, метя в голову; мавр неуловимым движением перехватил пулю, другой рукой швырнул в девушку стул и вдруг ринулся на меня! Тотчас споткнулся о невесть откуда возникшего лепрекона, быстро вскочил на ноги, но вновь повалился обратно, когда альбинос полосонул его заржавелым кухонным ножом по сухожилиям. Клинок неожиданно легко вонзился в столь неподатливую для обычной стали плоть, лезвие скрежетнуло по костям, но душитель даже не вскрикнул.

В один миг малефик оказался укутан тенями, они стали продолжением его рук и раскинулись во все стороны, грозя дотянуться и поработить сознание. Пятясь от них, я вновь прицелился, но тут вперед шагнула Елизавета-Мария. Она со всего маху ударила саблей по шее мавра, и начисто срубленная голова слетела с плеч и покатила по полу.

— Вот так! — прорычала суккуб, и в голосе этом было мало человеческого.

Затем горевшие алым светом глаза девушки остановились на лепреконе, и тот

немедленно выставил перед собой кухонный нож, а левую руку заложил за спину, будто заправский фехтовальщик.

— Станцуем, детка? — скакнул он к девушке, сразу отпрыгнул обратно — раз-два! — и этим нехитрым маневром заметно приблизился к входной двери.

— Хватит! — рявкнул я и добавил уже не столь громко, но куда более весомо: — Он мог быть не один.

Поддействовало. Елизавета-Мария с окровавленной саблей в руке приникла к окну, Теодор побежал запирать входную дверь, и только лепрекон повел себя как ни в чем не бывало. Он поднял свой смятый гармошкой цилиндр, отряхнул его ударом о колено и сплюнул на пол.

— Драть! Пропал ковер!

И в самом деле — черная кровь душителя растеклась едва ли не на половину гостиной.

— С коврами в доме беда, — пошутила суккуб и сообщила: — Во дворе никого не видно, но они могут скрываться в саду.

— С чего им ждать? — хмыкнул я и повернулся к дворецкому, который притащил двуствольное охотничье ружье и коробку патронов. — Теодор, с тобой все в порядке?

— В моем состоянии есть свои преимущества, — покрутил слуга головой из стороны в сторону. — Перестаешь нуждаться в воздухе.

— А почему никто не спрашивает, все ли в порядке со мной? — капризно произнес лепрекон, про которого все позабыли.

— Заткнись лучше! — посоветовала Елизавета-Мария, протирая сабельный клинок подолом и без того уже изрядно перепачканной кровью ночной рубашки.

— Драть! — выругался коротышка и, преисполненный чувством собственного достоинства, вышел за дверь.

И правильно сделал. Суккуб и без того сдерживалась из последних сил.

— Надо было спросить, где он спрятал клад, — запоздало предложил Теодор, разжигая газовый рожок, но я только махнул рукой:

— Других проблем хватает.

Отложив пистолеты на журнальный столик, я не без отвращения притронулся к снесенной ударом сабли голове и присмотрелся к срезу, гладкому и ровному, словно поработала гильотина. Нанесенный Елизаветой-Марией удар был невероятно силен.

— Что там? — заинтересовалась девушка.

— Холодный, — ответил я, вытирая пальцы о ковер.

Кожа покойника оказалась холодной и липкой, словно у рептилии. И да — малефик был заметно холоднее, чем следовало быть свежему покойнику.

Елизавета-Мария отошла от окна и ногой перевернула бритую голову на другую сторону.

— Мавр, — брезгливо поморщилась она, разглядывая черное лицо с широким носом и мясистыми губами. — Лео, у тебя просто талант заводить друзей!

— Что ты можешь о нем сказать? — спокойно поинтересовался я.

Девушка убрала саблю на место над камином и покачала головой:

— Ты ведь неспроста интересовался вампирами, дорогой?

— Только не говори, что это вампир. Малефика от вампира я как-нибудь отличу.

— Это не малефик, — возразила девушка. — Его слуга. Лео, сабля твоего деда пришлась очень кстати.

— Он отбил первый удар.

— Вот это и удивительно, — хмыкнула Елизавета-Мария, опускаясь на колени. Она взяла руку покойника с широким порезом через всю ладонь и позвала меня: — Лео, смотри!

Я присел рядом и спросил:

— На что именно?

— На ладонь.

Я попросил бледного словно мел Теодора принести керосиновую лампу и только тогда разглядел, что именно насторожило девушку. Ладонь мавра покрывали серые черточки старых татуировок. Затеиливые значки расплзались и по тыльной стороне, и по внутренней, они начинались у пальцев и уходили под обшлаг просторного рукава.

— Египетское письмо, — определил я. — По виду древнее, сейчас так не пишут.

— Он не настолько стар, — возразила Елизавета-Мария и попросила: — Теодор, нож.

Когда дворецкий принес с кухни острый поварской клинок, девушка уверенным движением вспорола рукав снизу доверху и самодовольно улыбнулась:

— Я же говорила!

Странные татуировки украшали руку и даже переползали на ключицу, но там они были свежими и явственно выделялись припухшей и воспаленной кожей.

— Занятно, — озадаченно пробормотал я.

— Лео, дорогой! Неужели ты думал, будто уникален? — рассмеялась девушка, выразительно взглянув на мои собственные татуировки, и в несколько приемов срезала с обезглавленного мавра всю одежду.

Помимо обеих рук наколки покрывали область сердца; тогда Елизавета-Мария поднатужилась и перевернула мертвое тело с живота на спину. Позвоночник также был отмечен татуировками, они заканчивались на уровне грудной клетки и на верхних позвонках казались нанесенными не очень давно.

— Повезло, что защита не дошла до шеи, — поежился я.

— Есть много способов убить того, кто почитает себя неуязвимым, — пожала плечами Елизавета-Мария, поднялась с колен и предложила: — Лео, иди спать. Порядок мы наведем сами.

— Последние татуировки, — не сдвинулся я с места. — Как давно, по-твоему, их набили?

— Вчера или позавчера, — объявила девушка без малейших колебаний. — На подобных созданиях все заживает в считанные дни.

Я это мнение оспаривать не стал, только кивнул.

— Мне понадобится лоскут кожи с новыми наколками, — предупредил девушку. — Со старыми тоже не помешает.

Елизавета-Мария выразительно глянула в ответ, но интересоваться столь странным интересом к татуировкам покойника не стала.

— Сделаю, — пообещала она, прикрыла рот ладошкой и зевнула. — И будь добр, представь, что у меня бессонница. Смертные до удивления много времени тратят на сон. Это... нерационально.

— Зато приятно, — хмыкнул я, взял с журнального столика пистолеты и отправился в каретный сарай.

По спине бежали колючие мурашки, но вовсе не из-за холода, хоть и шагал я по коридору в одних лишь кальсонах. Просто всегда полагал свой дом неприступной крепостью, но вот уже на протяжении двух ночей по особняку разгуливали чужаки.

Это пугало. Пугало и злило.

Подобное вторжение я полагал личным оскорблением, плевком в душу, деянием куда более унижительным, нежели даже похищение и пытка электрическим током.

Я хотел отомстить и не собирался дожидаться, пока блюдо остынет. Последние татуировки мавру нанесли уже в Новом Вавилоне, поэтому прямо с утра я намеревался отправиться на поиски мастера, оказавшего душителю эту услугу.

Но для начала решил подготовиться к новым неожиданностям. Нет, запалы в ручные гранаты вкручивать не стал, вместо этого очистил от смазки пулемет Мадсена и не поленился набить к нему десять рожков на тридцать патронов каждый. Затем снарядил еще несколько магазинов для самозарядных винтовок и зарядил пару маузеров, но с собой их брать не стал и оставил в ящике поверх остальных пистолетов.

Оружие — это не панацея, но за неимением иных аргументов сгодится и оно. В конце концов, ничто не мешает вампиру отправить по мою душу обычных головорезов. К тому же может нагрянуть кто-нибудь из банды сиятельных. Расслабляться не стоило.

Но мысли об оружии и планы мести враз вылетели из головы, стоило только подняться в спальню. Лепрекон стоял напротив карандашного портрета Елизаветы-Марии фон Нальц с дымящейся самокруткой в одной руке и початой бутылкой вина в другой и озадаченно цокал языком.

Я замер на пороге, потом стряхнул оцепенение и, выложив на прикроватную тумбочку пистолеты, со значением произнес:

— Вот интересно, тебя серебряная пуля проймет?

Коротышка недобро глянул в ответ, но от рисунка отошел. С ногами забрался в кресло и загородился от меня книгой. Покидать спальню он не собирался.

Я беззвучно выругался, потушил зажженные лепреконом газовые рожки и улегся в постель.

Не выставлять же за дверь собственную фантазию? Бред...

Проснулся на рассвете. В комнате нестерпимо пахло табаком и перегаром, на полу валялась пустая бутылка, подлокотник кресла пятнали потеки воска. Лепрекон исчез: судя по распахнутой настежь входной двери, он отправился портить нервы Елизавете-Марии.

Ночное происшествие показалось дурным сном, но нет — ничего не приснилось; когда спустился на первый этаж, засучивший рукава Теодор еще отмывал от черной крови паркетный пол гостинной. Ковра в комнате больше не было.

— Тело на леднике? — спросил я.

— На леднике, виконт, — подтвердил дворецкий, в лицо которого после случившегося так и не вернулись краски. Из-под высокого стоячего воротничка рубахи проглядывали лилово-черные отпечатки ладоней душителя.

— Проклятье! — выругался я. — У нас в подвале скоро целое кладбище будет!

— Два тела — это не так много, — заглянула на шум Елизавета-Мария.

Прошмыгнувший вслед за ней в комнату лепрекон не удержался от смеха и даже вытер грязным платком выступившие на глазах слезы.

— Вижу, вы нашли общий язык? — хмыкнул я.

Коротышка осторожно прикоснулся к распухшему носу и буркнул:

— Драть...

— Хватал меня за ноги из-под кровати, — ответила на невысказанный мною вопрос девушка.

— Тоже мне фифа! — фыркнул лепрекон, ловко заскочил на подоконник и уставился в окно. Судя по всему, скрываться от остальных мой вымышленный друг детства больше не намеревался.

Проклятье, ну и компания подобралась!

Елизавета-Мария смерила коротышку гневным взглядом, но цепляться к словам не стала и спросила:

— Будешь завтракать, Лео?

— Попью чай, — решил я и напомнил: — Что с кожей?

— Сомневаешься, умею ли я снимать кожу с людей? — расплылась девушка в милой улыбке, под которой скрывалось нечто на редкость неприятное. — Не сомневайся, Лео. Умею.

Я прошел на кухню, а там на столе сохли длинные лоскуты черной человеческой кожи; со свеживанием добычи у суккуба и в самом деле не возникло никаких сложностей. Аппетит как рукой сняло.

— Выбирай, дорогой, — разрешила Елизавета-Мария. — Тебе лучший кусок.

— Очень смешно, — нахмурился я, нервно отпил чаю и попросил завернуть в тряпку первый попавшийся лоскут.

Девушка выполнила мою просьбу, затем отобрала из оставшихся полосок две самые длинные и принялась сплести их между собой со столь невозмутимым видом, словно занималась обыкновенным макраме.

— Что ты делаешь? — опешил я.

— Сабля твоего деда хороша, — недобро улыбнулась девушка, — но я бы не отказалась и от более надежного оружия. Некоторых проще удавить, чем разрубить на куски.

— У этой кожи есть какие-то особые свойства?

— О да! Мой тебе совет — когда твой кусок мавра будет уже не нужен, не поленись его спалить.

Я кивнул, взял из вазы пару медовых пряников и поспешно вышел за дверь.

Созданный в голове образ миловидной девушки оказался столь убедительным, что наблюдать, как изящные ручки этого юного создания заплетают в жгуты полосы человеческой кожи, оказалось превыше моих сил.

Покачав головой, я поднялся в спальню, но спокойно попить чай не получилось. Елизавета-Мария проследовала за мной с тряпкой в одной руке и заготовкой удавки в другой.

— Пить в одиночестве — это моветон, — заметила она, оглядев устроенный лепреконом беспорядок. — Мог бы позвать меня.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответил я, повязывая шейный платок.

— Выпить вместе со мной?

— Разнимать тебя и лепрекона.

Девушка улыбнулась и спросила:

— Ты совсем не контролируешь его?

Я ничего не ответил. Просто убрал «Рот-Штейр» в кобуру на поясе, сунул в карман «Цербер» и отправился на выход.

Елизавета-Мария вручила мне тряпичный сверток и посоветовала:

— Ты бы побрился.

— Непременно, — отозвался я и потер пальцами щетину на подбородке, но времени на приведение себя в порядок тратить не стал.

Спустился на первый этаж, вышел на крыльцо, посмотрел на небо. Вверху стремительно неслись клочья облаков, в самом скором времени они грозили полностью затянуть небосвод, но пока дождя не было, только раскачивали макушки деревьев резкие порывы пронзительного ветра.

Было свежо; слишком свежо для этого времени года. Приближающееся ненастье ощущалось уже без всяких штормовых предупреждений, но когда разразится буря — сегодня к вечеру, завтра или в конце недели — было совершенно непонятно. И потому никак не получалось определить, в какой именно одежде отправиться в город.

Решив не ввергать себя в новые траты, я вернулся в дом и переоделся в старый костюм, на ноги натянул сапоги, сверху накинул брезентовую куртку. И лишь в части головного убора остался верен самому себе и взял с полки котелок.

Елизавета-Мария придирчиво оглядела меня со всех сторон, но никак комментировать внешний вид не стала, лишь спросила:

— Тебя ждать к обеду, дорогой?

— Нет, вернусь к ужину, — ответил я и вышел за дверь, не без труда удержавшись от слова «надеюсь».

Меньше всего мне хотелось обременять себя излишней опекой суккуба. Последние дни inferнальное создание вело себя насквозь неправильно, и понемногу даже начало закрадываться подозрение, что на выходца из преисподней воздействует созданный мной образ недалекой рыжеволосой красотки, но оболыщаться не стоило — лишь заключенное нами соглашение мешало таящейся внутри Елизаветы-Марии твари растерзать меня на куски.

Первым делом отправился навестить Рамона Миро.

Настороженно посматривая по сторонам, спустился с Кальварии, на Дюрер-плац поймал извозчика и велел ехать на угольные склады.

Смена Рамона к этому времени закончиться еще не успела, и он обнаружился в сторожке. Крепыш откинулся на спинку стула и держал у лица сверток со льдом, но при моем появлении кинул его на стол и досадливо поморщился. Или же поморщился от боли?

Я оценил немалых размеров синяк под глазом приятеля и его припухший нос, прислонился к дверному косяку и покачал головой:

— Бурная ночь?

Крепыш промолчал.

— Кто это тебя так? — переформулировал я свой вопрос.

— Не важно.

— Надеюсь, к нашим делам это отношения не имеет? Над тобой ведь не наши бывшие коллеги поработали?

— Не они, — заявил Рамон и, подняв правую руку, продемонстрировал мне ссаженные костяшки.

Выглядел этот аргумент достаточно убедительным, и я только уточнил:

— Тебя спрашивали, куда мы отправились после китайского квартала?

— Да, приходил какой-то рыжий хмырь. Детектив-сержант, кажется.

— Сюда приходил?

— Нет, домой. О новом месте работы, сам понимаешь, я распространяться не стал.

— И что ты ему сказал?

— Все как договаривались.

— И подрался не с ним?

— Хватит, Лео! — вспыхнул Рамон. — Перестань! — Он вновь взял промокший куль, приложил его к скуле и спросил: — Что с наградой?

Я только усмехнулся в ответ:

— С наградой все в порядке, скажи лучше, что у тебя с лицом?

Рамон обреченно вздохнул и сознался:

— Получил две сотни за кулачный бой. Вопрос закрыт?

— Так нуждаешься в деньгах? — удивился я.

Крепыш поднялся из-за стола, походил из угла в угол, отпил воды из кружки.

— Мой кузен, у которого мастерская на Слесарке, — вздохнул он, — собирается выкупить соседнее здание. Если найду шесть тысяч до конца месяца, он возьмет меня в долю.

— Шесть тысяч? — хмыкнул я. — Ну-ну.

— Тысяча у меня уже отложена, — сообщил Рамон. — Еще пятьсот как-нибудь наскребу. Три тысячи с тебя, так? Ничего не изменилось?

Я раскрыл портмоне и вытащил заранее отложенную долю напарника. Демонстративно пересчитал купюры и протянул крепышу.

— Держи.

— Отлично! — враз посветлел лицом Рамон, сгребая деньги. — Иудеи не поскупились?

— Они деловые люди, — пожал я плечами и многозначительно заметил: — Так, значит, тебе остается отыскать полторы тысячи?

[Купить полную версию книги](#)